

ЧТО ПОДАРИТЬ НА СВАДЬБУ!

● Нет ничего проще. Вы можете купить дорогой подарок, внести пай в жилищный или гаражный кооператив для молодоженов, организовать свадебное путешествие или вручить солидную денежную сумму. Вы будете располагать всеми этими возможностями, если заблаговременно заключите договор страхования к бракосочетанию в пользу ребенка.

● Сделать это могут родители, бабушки и дедушки, другие родственники ребенка. Страховая сумма будет выплачена полностью юноше или девушке при вступлении в брак или после достижения ими возраста 21 года. У страхователя остается право самому получить деньги по истечении срока действия договора страхования.

● Страховые организации производят также соответствующие выплаты при получении ребенком травм и наступлении других событий, предусмотренных договором.

● Договор страхования имеет определенные преимущества: он не прерывается в случае смерти страхователя и не требует дальнейшей уплаты ежемесячных взносов.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР.
ПРАВЛЕНИЕ.**

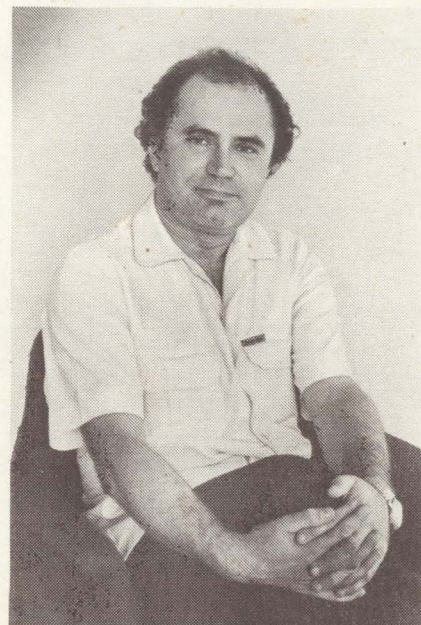
ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек». 1990. № 50. 1—48.

ОГОНЁК

№ 50

1990

Павел ГУТИОНТОВ

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ ЗАСТОЯ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 50

Издается с января 1925 года

Павел ГУТИОНТОВ

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ
ВОЗДУХЕ ЗАСТОЯ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Если ограничиться обычными сведениями об авторе этой книжки, как обычно пишется в «Библиотеке «Огонек», то о Павле Семеновиче Гутионтове можно было бы сказать следующее. Родился в 1953 году. В печати, за вычетом срочной службы в погранвойсках, — двадцать лет. Начинал в «Московском комсомольце», работал в «Комсомольской правде», «Советской России». С 1987-го — внутриполитический обозреватель газеты «Известия». Публиковался в «Огоньке», «Юности», «Новом времени», в «Московских новостях», в сборниках актуальной публицистики. Лауреат журналистских премий. Член исполкома Московского Союза журналистов.

Павел Гутионтов — милостью Божией журналист с редким и точным даром особого зрения на мир и людей. И есть в его зрении добрая ирония. Миниатюрные его рассказы долго гуляли по журналистской Москве в устном изложении Паши, а потом друзья настояли на том, чтобы он их записал. Так получилась книжка «Игры на свежем воздухе застоя».

В те смрадные, душные, тяжкие, но все равно счастливые годы прошла наша юность. И сколько б мы успели написать, нарисовать, спеть, если б ее не обворовали те, кто взял на себя право решать за нас, одергивать нас, судить и уродовать наши строчки, распоряжаться нашей судьбой... Вот почему рассказанное Павлом Гутионтовым не было бы так смешно, если б не было так грустно.

Паша Гутионтов поднимает занавес. Непридуманнный им театр начинается. Посмеемся же с ним все вместе или — поплачем...

Анатолий ГОЛОВКОВ

ИСТОРИЯ С ДЕМОГРАФИЕЙ

В газете, где я тогда работал (будем называть ее, скажем, «Комсомольской правдой»), как-то сама собой придумалась замечательная рубрика: «Факт нашей жизни». Публиковали под ней все хорошее, что в нашей жизни тогда еще случалось — новоселье, например, или прием в пионеры, и размещали эту (как правило, небольшую по объему публицистику) на первой полосе, снабдив соответствующей случаю работой какого-либо фотомастера из отдела иллюстраций.

Не скрою, в этом жанре я тогда добился определенных успехов — мною рубрику открыли, мною большей частью продолжали, на мне она, по сути, и прогорела, лопнула. Кстати, именно «новоселье» оказалось первым «фактом»: мне подсунили фотокарточку вселения атомашевца Фролова в новую и замечательную квартиру, и я, помню, с присущей образностью писал, как гулко стучал дочкин мяч (имевший место на снимке) по еще необставленной комнате... Ничего, слесарь Фролов, писал я, еще обзаведешься гарнитурами! Счастливо тебе жить-поживать да добра наживать. А потом, в целях обобщения, я привел общую площадь ежегодно сдаваемого в стране жилья и с гордостью отметил, покопавшись в справочнике, что есть целые государства (Лихтенштейн я имел в виду, что ли?), вся территория которых — меньше...

Все-таки удивительно много глупостей написал я за годы работы...

Кстати, в случае с новосельем очень, к сожалению, скоро, где-то через полгода, выяснилось, что именно этот дом, дом слесаря Фролова то есть, тот самый, о котором я так тепло писал в качестве «факта», именно он из-за дрянного качества строительства и развалился — слава Богу, хоть без жертв обошлось. Печального для меня совпадения, правда, никто не заметил, хотя мой друг в моей же газете и напечатал потом о развалившемся доме горькую и умную статью, отчего мне остро захотелось тоже стать умнее, но, самокритично замечу, быстро такие желания, как правило, не исполняются. Что же касается волгодонских строителей, то ни моя публикация, ни моего друга должного влияния на ход жизни, судя по всему, не оказали...

Да и мне, повторяю, урок впрок, похоже, не пошел: во всяком случае, я продолжал штамповать «факты нашей жизни», не отказываясь по-

хвалить ничего, из того, что похвалить предлагали. Так, я даже написал «Факт» — «Библиотека», хотя и тогда уже у меня вполне хватало сообразительности, чтобы понимать: библиотека как таковая — вовсе не является достижением социализма. Впрочем, здесь ничего стыдного за собой я не числю (кроме идиотской в данном контексте рубрики): у меня получилось, в сущности, вполне милое эссе о пользе чтения, в какой-то я и сейчас убежден, хотя, прямо скажу, чтение попадалось в жизни, конечно, разное.

Кстати, именно в этой заметке я и написал, что «как карась любит жариться в сметане, так и книга любит, чтобы ее читали; давайте же потакать ей в ее пристрастиях» — и это немудрящее утверждение впоследствии вызвало обширную полемику в печати. Дело в том, что еще один мой друг под личиной «Марьи Ивановны» вел в то время отдел кулинарных советов в журнале с непредставимо огромным тиражом. И из, очевидно, хулиганских побуждений не поленился отозваться на страницах своего раздела о моем наблюдении: «А недавно я прочитала уж такую глупость о том, что карась якобы любит жариться в сметане. Не верьте: карась любит ТУШИТЬСЯ В СМЕТАНЕ! И делается это так...» Правда, последнее слово осталось все-таки за мной: когда где-то через год-полтора меня попросили написать какую-то статью для постороннего издания, я, естественно, ни к селу, ни к городу вставил туда такую фразу: «Кто-то из мудрых заметил: «Как карась любит жариться в сметане, так и книга...» Ну, и, разумеется, потрясенные моей начитанностью редакторы постороннего издания, цитату из «кого-то мудрого» пропустили, на чем теоретико-гастрономический спор завершился моей полной, как я считаю, победой...

Одним словом, вспомнить приятно. Но я сейчас не об этом. А о том, как в конце апреля 1981 года вызвали меня в секретариат и попросили сделать «факт» на тему «Человек родился». Будет такой материал, сказали в секретариате, хорошим подарком читателю к майским.

Я согласился. Написал «факт» («Здравствуй, парень...») — и так далее) и пошел в отдел иллюстраций — просить снимок. «Надо бы, — говорю, — сходить сегодня же к дверям ближайшего роддома и сфотографировать выход мамы с ребенком. Причем мне обязательно нужен сын, чтоб текст не переделывать. И чтоб папа, конечно, был, и, конечно, с цветами».

Женя Успенский, которого ко мне прикрепили, к заданию отнесся поразительно серьезно. «Знаешь, старик, — сказал мне Успенский, — найди-ка ты мне сам и роддом, и маму с сыном. Чтоб я кого не того не снял и не у того роддома». Такая ответственность за свое дело меня порадовала, я немедленно узнал номер лучшего московского роддома, позвонил его главврачу, и та пообещала ровно в двенадцать дня лично встретить присланного мной корреспондента и все что надо подобрать.

В полдвенадцатого Успенский уехал, а я, так как было уже тридцатое, заслал свою заметку в номер и стал ждать карточку.

К часу дня Успенский еще не приехал...

Несколько слов об Успенском. Вернее, о том, как Женя за полтора года до описываемых событий стал лауреатом ежегодного фотоконкурса нашей газеты за исторический снимок, сделанный им в «Артеке». Там тогда случился слет пионеров, освещать который мы послали практикантку Ларису — под неумолчный скрип начальников: кому, мол, вообще это надо, тратить командировочные из-за пятнадцати строк, которые и по ТАССу дать можно... «Да пусть девчонка съездит, жалко, что ли?» — уговаривал я, и начальники махнули рукою: ладно уж... А потом выяснилось, что уже по своим иллюстраторским каналам в тот же «Артек» отправился большой любитель этого благодатного уголка Успенский, плюс сотрудник отдела науки Ленья З., который, узнав о пионерском слете, куда отправили какую-то практикантку, побежал к заму главного, бросился перед ним на колени, сообщил, что в Гурзуфе отдыхает его, Лёнина, невеста, разлука с которой для него, Лени, невыносима, и умолил подписать третью командировку...

Итак, передали они втроем свои пятнадцать строк и ушли в море с понятной надеждой больше не вспоминать о существовании редакции всю отведенную на командировку неделю. А в это время в редакции...

Вызывает меня первый зам. главного (а я тогда ведал в газете школьной тематикой), спрашивает (и очень грозно при этом): «Ты почему в Москве?» — «А где мне, интересно, быть?» — удивляюсь. — «Нет, ты отвечай, кто у тебя сейчас в «Артеке?» — «Практикантка, — отвечаю, — все свои пятнадцать строк она давно передала, заметка уже в номере стоит...»

Тут с ним чуть плохо не стало. «Какие пятнадцать строк?! Какая практикантка?! Там (посмотрел на часы) через двадцать минут Леонид Ильич будет с пионерами встречаться! Борис Николаевич (Пастухов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ) туда с Кавказа на военном самолете вылетел, а ты — практикантка...» Ну, я говорю, что у меня военного самолета нет, но, по моим сведениям, в «Артеке» совершенно случайно оказался опытный Ленья З... «Так что ж ты с ним до сих пор не связался?!...» — заорал на меня зам. главного, и я побежал к телефону.

Никакого Лени я, конечно, в «Артеке» не нашел, равно как и практикантки. Ленья, правда, через два дня объявился по телефону сам: «Ты знаешь, — несколько растерянно сказал он мне, — тут, оказывается, Брежнев был...» Я его, как в ту минуту умел, успокоил, потому что уже два дня, не отрываясь от собственного стола, писал «артековские» репортажи о пребывании объемом до полосы в номер...

Но я, если помните, собирался говорить об Успенском. Вышел он, значит, из моря, полез по кустам в направлении столовой и вдруг — нос, что называется, к носу — Брежнев!.. Женя успел аппарат из кофра выхватить и два кадра сделал — до того как кто-то из пионервожатых (и откуда их столько таких здоровых? — еще подумал) заехал ему локтем в солнечное сплетение, а два других отшвырнули его с тропинки... Но

будучи крепким профессионалом, Женя немедленно кинулся в Симферополь и с командиром ближайшего борта отправил в Москву кассету. Из редакции мигом сгоняли в аэропорт машину, и один из двух кадров мы немедленно напечатали: стоит Леонид Ильич с детьми, из которых на первом плане одна — негритянка, другая — вне себя счастливая Алевтина Васильевна Федулова (председатель Всесоюзного Совета пионеров), третий — как впоследствии выяснилось, сын завотделом Московского горкома партии Саша Шадрин (надо ж как случай распорядился! — тоже, между прочим, факт нашей жизни)...

За этот снимок Женя и получил первую премию за 1979 год, что, впрочем, никого не удивило. И рассказал я об этом так подробно, чтобы читатель понял, в какие надежные руки попало воплощение редакционного задания про челоуека, который родился; ведь речь, если не забыли, идет у нас именно об этом.

Так вот, отправился, значит, Женя к двенадцати часам в роддом делать для меня снимок и к часу дня, как многие рассчитывали, в редакцию не вернулся.

В два не вернулся.

В пять не вернулся.

В шесть сняли мою заметку, так как начальники решили, будто без снимка она проигрывает.

В полвосьмого появился Успенский.

От него вкусно пахло пивом.

«Понимаешь, старик, — сказал мне Успенский. — Ни одна пара не годилась. То она толстая, то он кривой, то цветов нет... Но ничего, я снимок сделаю завтра, и твой «факт» прекрасно пройдет на второе мая».

Так мы и порешили. После чего Женя ходил к роддому ежедневно в течение недели, но его требовательный взгляд находил все новые и новые недостатки у новых и новых счастливых родителей. Об этом Женя сообщал мне опять же ежедневно, и подарок читателю, таким образом, все откладывался и откладывался.

И наконец 9 мая Женя принес карточку! Правда, сделал он ее не в том роддоме, который отыскал я, но все необходимое на карточке было и «факт» немедленно поставили в номер.

И только под вечер я вспомнил, что Успенский не дал мне фамилий своих героев, которые неплохо было бы для придания тексту достоверности всунуть в заметку.

«Понимаешь, старик, — сказал мне Успенский, когда я позвонил ему по телефону, — я думал об этом, но уж больно неудачная у них фамилия». — «То есть?» — недопонял я. «А Аугшкап», — ответил Женя и сделал длинную паузу, чтобы я смог насладиться моментом.

Я действительно живо представил себе публикацию ТАКОЙ фамилии на первой полосе газеты под заголовком «Человек родился», а также бурную радость по этому поводу всех своих начальников, настроенных резко интернационалистски. «Ты их специально подобрал... та-

ких?» — спросил я наконец Успенского. «Понимаешь, старик, ведь симпатичные ребята», — ответил художник, на чем беседа завершилась.

Я был молод, труслив и фамилию Аугшкап поставить так и не рискнул.

...А следующий день начался с телефонного звонка. Звонила перепуганная директриса школы, в которой папа Аугшкап, оказывается, еще учится в десятом классе. Мама Аугшкап была постарше: ей минуло семнадцать, и свои университеты мама проходила в соседнем ПТУ...

«Павел Семенович, — говорила мне перепуганная директриса, — это что, изменилась установка? Ведь мы специальный педсовет по нему (имелся в виду папа) проводили? Что же теперь?..»

Я сумел убедить ее, что действительно сменилась установка, хотя вторично воспроизвести все, что тогда нес, думаю, не смогу теперь даже по приговору народного суда. Что-то вроде того: вы же знаете, какая сложная демографическая ситуация сейчас сложилась в стране; уверяю вас, мы намеренно подобрали именно такую пару; нами двигал точный политический расчет; это — начало серьезной пропагандистской кампании... «Спасибо, спасибо, — говорила мне в ответ директриса, — очень, очень хорошо, что я вам позвонила, мы же на этом случае всю воспитательную работу строили, могло действительно получиться неудобно...»

Короче говоря, расстались мы с ней чуть ли не друзьями, я, кажется, даже пообещал прийти в ее школу и выступить перед старшеклассниками... Но главное — директриса никому на меня больше звонить не стала, а в ее школе, надо думать, установился с этого момента самый благоприятный в стране сексуальный режим...

Остается добавить немногое.

На планерке при обсуждении вышедшего номера главный редактор очень похвалил опубликованный «факт», заметив, что «некоторые, правда, находят, будто бы отец больно молодо выглядит. Но, может быть, это и хорошо?..»

Знал бы — насколько.

А Успенский получил письмо от бабушки Аугшкап, мамы Аугшкапа-десятиклассника. Очень она благодарила Успенского за опубликованную карточку, а в конце приписала: «Ваш труд приносит людям радость!»

Знала бы — какую!..

* * *

Через несколько лет лихой ночью сидел я в компании знакомых актеров и в процессе совершенно необязательного трепа рассказал эту историю. И хозяйка квартиры, жена моего приятеля, вдруг чуть на шею мне не бросилась: «Значит, это ты про Лешку написал?..» Дело в том, что она оказалась родной сестрой моего случайно организованного

Успенским героя. И самое замечательное, что после публикации снимка в газете, от Аугшкапа-десятиклассника, и правда, отстали, а ведь воспитательную работу на его примере (не обманула директриса) строили самую что ни на есть серьезную. Таким образом, сами на то не рассчитывая, мы с Женькой скрасили человеку последние два месяца школьной жизни, да и характеристику наверняка облегчили от всякого рода неприязненных оценок его морального облика. Вот она, могучая сила печати! И конечно, с нашей, как выяснилось, легкой руки семья получилась крепкая, родили ребята еще двоих и вроде бы не собирались останавливаться на достигнутом...

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ПОБЕДИТЬ ПРОДАВЦА ПИРЦХАЛАВУ?

Достоверная история в письмах

Письмо первое. Директору Москворецкого райпищеторга г. Москвы тов. Малышевой Л. И. 12 августа 1981 года.

«Уважаемая Людмила Иосифовна!

Я обращаюсь к вам, не испытывая, впрочем, надежды, что Вы сумеете немедленно научить сотрудников вверенного Вам магазина номер 16 как вежливому обращению с покупателями, так и элементарному соблюдению правил советской торговли. Я Вас просто информирую.

11 августа с. г. дверь в винный отдел данного магазина была закрыта уже без десяти минут семь (я во всяком случае подошел туда без десяти семь, и дверь была уже закрыта). Мне кажется, что это не совсем верно, хотя, может быть, на этот счет действительно существует какая-то инструкция, мне неизвестная. Но, убежден, нет инструкции кричать на покупателей в выражениях, какие принято обозначать как непарламентские. А на меня пожилая женщина в белом халате накричала именно так — за то, что я показал ей через стеклянную дверь свои часы, чем, допуская, и правда, смертельно ее обидел. Все выслушав, я попросил книгу жалоб, и после дальнейшей беседы был послан по целому ряду адресов, в том числе и непосредственно к директору магазина.

Непосредственно директору, к сожалению, я представлен не был — он принимал товар. Зато продавец Пирцхалава придирчиво допросила меня, зачем мне понадобилось что-то куда-то записывать, объяснила, что закрывать магазин до окончания его работы можно и даже необходимо, а в заключение любезно набрала по телефону точное время. Было уже 18.56.

Тем не менее продавец Пирцхалава меня не убедила, и я попросил злополучную книгу вторично, и до сих пор считаю, что имел на это право, даже если и ошибался в оценке действий Ваших подчиненных.

В свою очередь, и я не убедил продавца Пирцхалаву, которая на вышеизложенные соображения ответила предельно четко: «Как же, дала я тебе книгу — чтоб ты в нее, что хочешь писал!..» И думается, здесь она была опять же не права: книга жалоб действительно предназначена именно для того, чтобы я писал туда то, что захочу сам, а не продавец Пирцхалава — иначе у нее были бы сплошные благодарности. Поэтому-то данная книга и должна храниться не в неведомом тайнике, а в доступном мне месте и предъявляться по первому требованию желающего. Подскажите, пожалуйста, это Вашим работникам — кстати.

Не буду утомлять Вас дальнейшим пересказом событий несколько однообразных (я книгу просил еще и еще, а мне в ней еще и еще отказывали). Сообщу лишь о том, что в завершение разговора продавец Пирцхалава преждевременно назвала меня пьяным (так как даже на порог винного отдела, повторяю, не пустила) и предложила жаловаться на нее кому захочу.

Я выбрал Вас, уважаемая Людмила Иосифовна.

Как-то неудобно писать, что не пущен именно в винный магазин (все-таки не булочная в конце-то концов), да и переживу я этот печальный случай, даже уже пережил. Основные мои претензии не в этом. Много больше мне не нравится, когда на меня кричат. Мне не нравится, когда мне говорят «ты» малознакомые люди (даже если допустить, что с продавцом Пирцхалавой мы все-таки познакомились). Мне не нравится, наконец, что данные люди всерьез убеждены, что могут все это делать безнаказанно.

Прошу Вас, уважаемая Людмила Иосифовна, считать мое письмо записью в книгу жалоб магазина номер 16 и ответить мне: прав ли я, расценивая происшедшее как безобразие чистой воды?

Мой адрес... Подпись.

Дополнительно сообщая, что копию письма я направил для ознакомления в редакции газет «Московская правда» и «Советская торговля», а также помощнику министра торговли СССР тов. Олейникову Н. Ф.»

Письмо второе. Директору Москворецкого райпищеторга г. Москвы тов. Малышевой Л. И. 14 августа 1981 года.

«Уважаемая Людмила Иосифовна!

В дополнение к моему письму от 12.8.1981 г. сообщая, что вчера вечером посетил винный отдел магазина номер 15 Вашего же райпище-

торга. И в этом магазине я, наоборот, был обслужен без всяких с моей стороны нареканий. Ведь можете же работать, если захотите!

С уважением — подпись.»

Письмо третье. Директору Москворецкого райпищеторга г. Москвы тов. Малышевой Л. И. 28 августа 1981 года.

«Уважаемая Людмила Иосифовна!

Я обращался к Вам с письмами о работе вверенных Вам магазинов 16 и 15 — соответственно 12-го и 14-го августа с. г. Так как я намерен отбыть в очередной отпуск, Ваш ответ прошу направить по месту моего отдыха: Пицунда Абхазской АССР, пансионат «Правда».

С уважением — подпись.»

Письмо четвертое. Директору Москворецкого райпищеторга г. Москвы тов. Малышевой Л. И. 2 октября 1981 года.

«Уважаемая Людмила Иосифовна!

К сожалению, не получил ответа на свои письма от 12, 14 и 28 августа с. г., и так как не допускаю мысли, что Вы могли бы не дать такового (в соответствии с известным Указом Президиума Верховного Совета СССР о работе с письмами и заявлениями трудящихся), убедительно прошу выслать мне копию Вашего ответа, чтобы я мог, в том числе, предъявить претензии почте за ее неудовлетворительную работу.

С уважением — подпись.»

Письмо пятое. Мне. 4 октября 1981 года.

«Уважаемый тов. Гутионтов.

Ваше заявление проверено работниками райпищеторга, указанные Вами факты подтвердились. Случай обсужден в коллективах магазинов района. Ст. продавец Пирцхалава Р. депремирована.

Директор райпищеторга — Малышева Л. И.»

* * *

Таким образом, можно считать доказанным, что терпение и труд в состоянии перетереть все что угодно.

С депремированной Пирцхалавой равно как и с Малышевой Людмилой Иосифовной я больше никогда в жизни не встречался.

Время от времени собираюсь зайти в 16-й магазин, чтобы лично проследить за переменами, но каждый раз что-то мешает.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Покойный ректор МГУ академик Петровский любил говорить, что у него в университете есть три рода факультетов:

факультеты естественные — мехмат, физфак...

факультеты неестественные — истфак, философский...

и только один факультет противоестественный — факультет журналистики.

А вот в Ижевской тюрьме (при посещении которой мне выдали разовый пропуск, где в соответствующей графе было написано: «состоящему в должности... ПОЭТА»), на стене вечерней школы (сопровождая меня замполит с гордостью отметил: «У нас стопроцентная посещаемость. Пропуски без уважительной причины изжиты полностью»), так вот на стене я увидел и списал в блокнот замечательный лозунг: «Не теряй зря свободного времени! Получи среднее образование! Прибери специальность!»

И еще о свободе. Там же, уже на КПП, мое внимание также привлекло и объявление: «Сегодня в зоне «А» состоится ОТКРЫТОЕ партийное собрание. Явка коммунистов обязательна». А в тюремной библиотеке поразило изобилие собраний сочинений великого сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина — включая, кажется, дореволюционные.

Кстати, о Салтыкове. В другой командировке — в подмосковном Талдоме — секретарь местного горкома партии с гордостью сообщил мне, что писатель свой город Глухов списывал именно с их населенного пункта.

Поспорить я не решился, хотя, как мне кажется, знаю и других претендентов.

«ТАРТУ ДОРОГ КАК ГОРОД УТРАТ»

В 1975 году я сочинил сказку.

Собственно, сочинять ее я начал значительно раньше, года еще за три до описываемых событий, когда служил в армии. Получилась сказка мудреная, громоздкая, перенаселенная персонажами, хотя основная мысль была вполне простой и даже, как теперь догадываюсь, простоватой. Речь шла об ответственности человека за то, что он делает, а все что он делает, в свою очередь, не поддается переделке, подчистке и исправлению. Чем в сказке у меня и пытался заниматься ее главный положительный герой — могущественный семиголовый великан Хынжереб, зарубленный по недоразумению богатырем-правдолюбом, но обретший почему-то бессмертие. Вот и летал оказавшийся бессмертным великан из века в век, стараясь подправить известную ему историю, а та все выворачивала и выворачивала на единственно-трагическую дорогу...

Сказку эту я писал-переписывал года три, все дополняя ее новыми и новыми деталями сказочного бытия выдуманной страны (где, скажем, небо надо было постоянно подкрашивать, в то время как выделяемые на это средства натурально разворовывались, отчего небо достаточно скоро проржавело — местами до дыр, из которых стали дуть сквозняки и вообще просачиваться из того мира в этот души несправедно погибших, а наоборот — алиментщики и уволенные первые министры... Ну, и тому подобное). Так вот к 1975-му мне это надоело и я наконец поставил в сказке последнюю точку. А концовку-моралите, пользуясь служебным положением и недоглядом главного редактора, даже опубликовал в газете, в которой работал.

«...Лермонтов все равно выстрелил в воздух. Декабристы (я потом проверял) вышли на Сенатскую. Грибоедов уехал в Персию. И не вернулся на базу Сент-Экзюпери, граф и военный летчик.

А ведь я всех их предупреждал — вчера, позавчера и в прошлую среду...

Я носился по векам и континентам, стучался в двери Неаполя и Пятигорска, отрывал людей от недописанных стихов, от незаточенных шпаг, от уже появившихся телевизоров с большими наполненными водой линзами...

Но спас своими советами я только одного человека. И потому мне до сих пор стыдно смотреть людям в глаза, когда они говорят об отречении Галилея...»

Редактор моей газеты — не знаю уж, что он в этом крохотном отрывке увидел, — потом шумел на планерке, что я что-то такое пытался протаскивать, но дело было уже сделано, немудрящий мой текст разошелся десятком миллионами экземпляров и, думаю, сильно нравы подрастающего поколения не пошатнул. В то же время и в какой-то особенной благотворности заподозрить его, боюсь, было бы опрометчиво... Одним словом, напечатал и напечатал. Забросил сказку в стол, и только время от времени вынимал и показывал ее приятелям, среди которых было приятно ощущать себя Андерсеном или на худой конец Лафонтеном.

И вот, а был это уже год 1977-й, показал я сказку знакомым из Тартуского университета, и те вдруг говорят: давай, мол, экземпляр, мы его в нашей университетской многотиражке опубликуем, у нас, говорят, в нашей многотиражке, любую дрянь печатают, тем более что безгонорарно. Что безгонорарно, сами понимаете, обрадовать меня не могло, но славы хотелось еще больше, чем денег, ну, я текст и отдал.

Затем из Тарту поступили сведения, что работа над моей сказкой идет полным ходом. Прежде всего сказку перепечатали на машинке и запустили копии по рукам — в целях формирования благоприятного по отношению к моему творчеству общественного мнения. Потом предложили текст редактору газеты профессору Рейфсману. Тому печатать сказку явно не хотелось, но благоприятное общественное мнение, судя

по всему, сформировано уже было, выступать в роли ретрограда и душиителя Рейфсману не захотелось, и он придумал гениальный ход: отдать сказку на расправу Ю. Лотману, чтоб как тот скажет, так и сделать. Сообщив мне последнюю новость, мои тартуские информаторы затем умолкли месяца на два, из чего я сделал вполне самокритичные выводы. Но тут выяснилось, что Лотман к моему труду отнесся на удивление снисходительно. Ты знаешь, сказали мне по телефону, он обнаружил у тебя одиннадцать, что ли, структурных слоев... А что это? Ну, понимаешь... — ответили мне и мучительно задумались. Так хорошо это или плохо? — продолжал тревожиться я. Отлично! — с готовностью заверили собеседники. А у Достоевского сколько было? — не унимался я. У Достоевского... У него — за семьдесят. Значит, одиннадцать — все-таки плохо? Нет, наоборот, отлично! У современных авторов Лотман часто и двух отыскать не может...

В общем, что такое эти самые структурные слои и сколько их должно быть в высокоталанливом произведении, я и сейчас не знаю. Но факт остается фактом: после положительного отзыва Лотмана редакция университетской многотиражки пришла в движение, что выразилось в сокращении совсем уж сомнительных мест, каких-то обнаружилось два. С одним все было ясно: он был про революцию («А наутро Короля свергли. И стали строить новую жизнь. Размонтировали старые памятники, плакат «Мой народ лучший в мире!» заменили на «Наш народ...» — и так далее»). А вот над вторым сокращением пришлось поломать голову, ибо пострадало совершенно безобидное замечание о том, что «не может же человек пройти через Драконов лес. Может — коза. Но что толку от козы?» Чем несчастная коза могла так напугать тартускую профессию — до сих пор ума не приложу...

Но все остальное напечатали (целая получилась газетная страница в первоапрельском номере), снабдив вводным словом, из которого я узнал про себя много лестного. В частности то, что моя сказка «выдержана в традициях современных западных фантастов, озабоченных судьбами человечества». Порадовавшись наблюдательности анонимного автора, я стал с тех пор так и представляться всем и каждому: «Гутионтов, озабоченный судьбами человечества», что сильно подняло меня в глазах окружающих.

Прошло еще месяца четыре. Присланные мне экземпляры тартуской газеты я давно раздарил и забыл даже думать о своей сказке. А в Эстонии вдруг разразился вокруг нее неожиданный скандал. Дело в том, что кому-то (правда, с некоторым опозданием) пришло наконец в голову прочитать имена моих героев шиворот, как говорится, навыворот. И началось...

Конечно, никому и в голову не могло прийти, что я просто-напросто «перевернул» фамилии своих приятелей (Волорф — Фролов, Волдыркс — Скрыдлов, Ротерфэй Вокбуза Третий — ефрейтор А. Зубков и так далее), начались поиски политических аллюзий. Особенно в этой

связи неприятное впечатление вызывало имя чудовища Хынжереба — на моего одноклассника Сашку Бережных охулки никто не положил, а вот намек на... сами понимаете, кого... был замечен сразу. Хорошо еще, что чудовище угодило у меня все-таки в положительные герои...

Короче, из эстонского ЦК приехала комиссия, которая здорово пошерстила редакцию за публикацию политически вредной сказки, вдобавок установив, что многотиражка Тартуского университета еще и провела дискуссию о половом воспитании, а также не имеет плана подготовки к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В результате редактора наказали, а газету — закрыли. Так она на русском с тех пор и не выходила — причем задолго до бурной дискуссии о государственном языке, уже в годы перестройки потрясавшей республику...

Меня же в Москве эта буря вообще не коснулась, так что узнал я о ней потом и случайно, когда давно отгремели последние раскаты.

Что еще? Лет через пять, оказавшись в случайной компании со слушателем Академии общественных наук, а до того — зав. отделом науки ЦК Эстонской компартии, я ни с того ни с сего вдруг пристал к незнакомому человеку: «Что же ты, такой-сякой, из-за моей сказки газету закрыл?!» И тот с прибалтийской невозмутимостью ответил, не переспрашивая и не удивляясь: «Так это была твоя сказка? Это не я. Это дураки из отдела пропаганды». И я тихо загордился доброй памятью, оставленной в сердцах человеческих...

Последнее. Уже в разгар гласности мою сказку разыскала и вновь напечатала газета Ленинградского народного фронта «Невский курьер», хоть я и честно предупредил издателей об имевшем быть трагическом прецеденте. Заголовок же к этой главке я взял из Ильи Фоякова, большого мастера палиндронов — слов и фраз перевертышей, которые в отличие от имен моих героев и слева направо, и справа налево читаются совершенно одинаково: «Леди бог обидел», например, «Ищи покоя, окоп ищи» или «Лом о смокинги гни, комсомол!»

РЕПЕТИЦИЯ В ТЕАТРЕ АБСУРДА

...Кем же она стала, гениальная девочка Вика?..

Именно гениальной назвал ее человек, знающий цену такому слову, — заместитель председателя Центрального совета пионеров Герман Черный, и было это в феврале 1981 года.

Мы потом специально ждали, когда Вика появится на экране телевизора, предупреждали коллег, что они увидят нечто выдающееся.

И все увидели.

Вика в очаровательных белых бантах проникновенно произнесла:

Я от всех детей хочу
Пожелать с любовью
Леониду Ильичу
Доброго здоровья.
Подарить букет цветов
Цвета огневого
И обнять от всей души
Как отца родного.

Не вообразить даже, что произошло с залом! В сухом тексте стенограммы это отражено так: «Продолжительные аплодисменты. Звучит музыка. Пионеры вручают членам Президиума съезда цветы», — как Вика, собственно, и собиралась. Сама она бежала, конечно, первой. Во весь экран показали лицо «дорогого». Он, растроганный, плакал.

И тут едва не произошло непоправимое. Гениальную Вика на вираже обошел шустрый пионер с букетом для Кириленко. Его-то и ухватил Леонид Ильич, потащил целоваться. Пионер заверещал, забился, но все же вырвался и донес цветы, до кого велели. А «дорогой» смахнул слезу, опять распахнул объятия, и уж тут Вика своего не упустила...

Мы с Николаем Андреевым (на пару с которым в 1990-м и опубликовали в «Огоньке» эту часть воспоминаний) работали тогда в «Комсомольской правде», и как раз в этот день в номере стоял наш отчет о Рапорте советской молодежи и пионеров XXVI партийному съезду. И у телевизора мы сидели, конечно, не просто так: надо было внимательнейшим образом проследить, чтобы все, происходящее в Кремлевском Дворце съездов, полностью соответствовало тому, что вот уже два часа как было набрано и заверстано в полосу.

Ибо в Кремль нас, естественно, не пустили (да нам и в голову бы не пришло попроситься!), а отчет мы писали, наполнившись живыми впечатлениями от репетиции.

Дело в том, что за месяц до события собрали в Москве лучших представителей молодежи, и месяц, как на работу, ходили они в конференц-зал ЦК ВЛКСМ, где преподаватели театральных вузов столицы ставили им дыхание, учили технике сценического движения, заставляли депутатов и кавалеров высших орденов, олимпийских чемпионов и поэтов приседать и зачем-то ударять себя на выдохе кулаком в грудь. Особенно впечатляюще это получалось у Павла Баряева, знаменитого тогда бригадира из Нового Уренгоя (по сценарию Рапорта ему предстояло внятно назвать свою фамилию и сообщить съезду, что «рабочая молодежь, верная традициям стахановцев, ударников пятилеток, будет и впредь настойчиво овладевать пролетарской наукой побеждать (аплодисменты)»).

— Страшно подумать, — сказал нам Баряев в перерыве репетиционного процесса, — что будет, если мои ребята вдруг узнают, ЧЕМ я здесь занимаюсь по командировке ЦК комсомола...

А Герман Черный, человек с артековским прошлым, в это самое время убеждал артистку Лену Драпеко:

— Лена, Лена! Больше теплоты, чувство вложи! Вспомни, как гениально это у Вики получалось...

И Паша Баряев подтвердил нам: «Вика это — да...»

Драпеко же собралась, взмахнула прической, залучилась улыбкой:

— Дорогой Леонид Ильич! Советская молодежь знает, что Вам дороги и близки труд рабочего и ратный подвиг солдата, героические будни послевоенного возрождения и целинной эпопеи. В борьбе за счастье трудового народа, торжество идей пролетарского интернационализма Вы вкладываете всю свою убежденность, многогранный талант, революционную энергию. Прогрессивная юность планеты называет Вас, выдающегося политического деятеля современности, вдохновителем разрядки, знаменосцем мира и созидания!..

— Не то!.. Не то!..— заломил руки Герман Черный.— Ну, Лена же...

И пока Черный объяснял Драпеко ее сверхзадачу, через конференц-зал шел по его диагонали депутат Верховного Совета России слесарь АЗЛК Николай Махонин. Дойдя, он упал на стул рядом с нами и Баряевым и обхватил голову руками.

— Тяжело, Коля? — сочувственно спросил Баряев.

— Знамя вчера цеху вручали, — не отрываясь от головы ответил Махонин.

— За что? — вмешался в разговор я, в надежде на изюминку, которая вполне могла бы украсить будущий материал.

— Не знаю, — стараясь сохранять неподвижность, сказал Махонин.— Я только к банкету пришел...

Тут его и увидел Черный, оставил Драпеко:

— Махонин! Ну, где же тебя носит!..

И Николай встряхнулся, встал и громовым голосом потряс стены конференц-зала: «Товарищ Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского...»

Драпеко нам озабоченно сказала:

— Понимаете, ребята, ну, никак. Никак не поймаю интонацию. Это же не текст. Поверите, похудела за месяц репетиций — юбка спадает. Мы с интересом посмотрели на юбку.

Подошел Володя Некляев, белорусский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола. Только что он репетировал собственные стихи — четыре строчки, с которыми его и привезли из Минска: «Пльви, страна, эпохи ледокол! Звени в цехах! Шумы в полях без края!..»

— Знатные стихи, — похвалили мы Некляева, тот вздохнул и полез в сумку: «Ребята, но я же не только ЭТО пишу. У меня же есть и вполне приличные стихи. Ну, посмотрите...»

А Махонин отстрелялся и сел в прежнюю безнадежную позу. Черный же призвал ко вниманию и обратился ко всем сразу:

— Товарищи, главное, чтобы все было отрепетировано. Вы посмотрите, как вырос уровень съезда, как держатся делегаты на трибуне. А почему? Потому что каждый с этой же трибуны при пустом зале, естественно... Вы только представьте...

Мы представили и содрогнулись.

И Черный стал работать с детьми.

Детей было двое. Дочь делегата съезда Турсуной Ахуновой, дважды Героя Соцтруда, и сын делегата съезда Героя Соцтруда сталевара Федора Шишлова. Первая должна была прочесть стихи (мы толкнули Некляева: «Твои?» — тот выругался): «Буду хорошо учиться, скоро вырасту большой, стану лучшей ученицей в школе мамы Турсуной!» Со вторым было сложнее. По сценарию ему предстояло заявить: «Мы, Шишловы, люди рабочие!» Но парень, как выяснилось, букву «Ш» не выговаривал и при этом усмехался.

Черный измаялся с ним. А Баряев сказал: «На эту б глаза не смотри!..»

— На кого? — не поняли мы. .

— На эту, — мрачно повторил Павел. — С ней секретаря обкома комсомола прислали, девчонку, и эта ее уже совсем заездила. Вот сегодня выходим из метро, и слышу, эта, соплячка десятилетняя, своей сопровождающей шипит: «Все маме Турсуной расскажу!..» И секретарь — в обморок. До сих пор валидол глотает...

Мы с уважением посмотрели на Халилу.

От Баряева нас отянул строгий молодой человек с комсомольским значком, сверился со списком: «Так, товарищи. Этого парня, пэтэушника, в отчете не упоминать. Случайный человек». — «То есть?» — «Основной переволновался, голос у него пропал. Пришлось этого вводить. А он случайный человек». — «Но откуда же он, случайный?» — «С Украины. Надо было Украину прикрыть, его и подбросили. Но человек случайный».

Ну что ж. Случайный, так случайный. Значит, надо.

И мы вернулись в редакцию и написали отчет.

Заголовок взяли у Светлова: «Сколько молодости у страны!»

«...Как великая эстафета от отцов к детям переходила высокая ответственность за судьбу своей страны, за ее будущее. Все завтрашние победы и достижения вырастают из сегодняшнего напряженного труда, сегодняшних побед и достижений — старая истина, проверенная всем опытом человечества, но она всегда требовала и требует ежедневных новых и новых доказательств. Какой же символ нашего времени оставят потомкам молодые 80-х годов двадцатого века? Какие слова напишут на его визитной карточке те, о ком Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал с трибуны партийного съезда: «Молодые люди, которым сегодня 18—25 лет, завтра образуют костяк нашего общест-

ва». Давайте же задумаемся над этим коротким словом з а в т р а, таким близким, таким обязывающим...»

«Пльви, страна, эпохи ледокол!..»

Где она теперь, Вика?..

* * *

Когда эту заметку опубликовал «Огонек», мой коллега, редактор отдела фельетонов «Известий» Юрий Макаров сказал: «А ты знаешь, ведь моя дочь в этом самом приветствии участвовала». — «Не Вика?» — осторожно спросил я. — «Нет. Она вручала букет Пельше. Так вот, приходит со съезда и говорит: вручила Пельше, Арвиду Яновичу. Я, конечно, не верю: «Да откуда тебе знать, что именно Пельше?» И газету ей с портретами — ну-ка, ищи. И знаешь, сразу показывает — вот он. Я только руками развел (девчонке десять лет как-никак, и такие глубокие знания). А она мне: «Все очень просто, мы же на макетах репетировали...»

И чтобы уж окончательно закрыть тему, несколько слов скажу и о XXVII съезде, который был, судя по всему, не только историческим, но и последним, подвергшимся комсомольскому приветствию.

Я уже в 1986 году в молодежной газете не работал и потому не знаю, как там на этот раз репетировали, но результат репетиций знаю.

«Комсомолка» написала об этом: Знамя Ленинского комсомола несет старшина запаса Б. кавалер орденов Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Ему было бы легче под душманскими пулями, утверждали мои коллеги, нежели сейчас, под требовательными взглядами делегатов партийного форума. Но знамя комсомола в надежных руках, и глубоко символично...

И знаете, очень скоро выяснилось, что с символичностью газета угадала как никогда. В Главпуре со злорадством отметили, что набор орденов молодого афганского героя уж совсем небообразимый (в деле награждения заслуживших есть, оказывается, свои тонкости, и получить те ордена, о которых написали журналисты, военнослужащий срочной службы никак не может). На всякий случай проверили...

И оказалось...

Единственно, что правда — это то, что знаменосец являлся старшиной запаса и бывшим десанником. Но в Афганистане никогда не служил, орденов не получал. А откуда же те, что носит он на широкой груди, скажите на милость? Очень просто. Награждения произвела любимая девушка харьковского токаря — работник московского музея. Поначалу она вручила лишь две награды, а потом уже позвонила в Харьков и сообщила, что есть возможность разжиться и орденом Ленина. Комсомолец немедленно отправился к парторгу и сообщил, что его вызывают в столицу, в Кремль. Тут же получил командировку. А когда вернулся, как раз подошло время на съезд приветствующих подбирать, ну, и «при-

крыли Украину» героем, а парень, что называется, фактурный — кому ж и доверить Знамя...

Сколько все же молодости у страны! Сколько свежих комсомольских сил, черт побери!..

БЛАГОДЕТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНЗУРЫ,

ИЛИ

КАКИЕ ЖЕ ТАЙНЫ БЕРЕГ ГЛАВЛИТ?

1

Раз осенью 1984 года вызвал меня начальник. «Труд» сегодняшний читал?» — «Да нет, — говорю, — не читал. А что?» — «А то, — говорит начальник, — что они у тебя из-под носа такую сенсацию увели, что...» И сказал, что. «То есть?» — «А посмотри!»

Посмотрел. Что ж, сенсация действительно первого класса. «Труд» со всеми возможными и невозможными подробностями рассказал, как экипаж и пассажиры самолета, выполнявшего рейс Львов — Таллинн (впрочем, тогда его еще с одним «н» писали, и, кстати говоря, никак не пойму, почему, во-первых, эстонский парламент принимает решения по вопросам русского правописания, а, во-вторых, почему русское правописание подчиняется этим решениям; но это — между прочим), так вот «Труд» привел свидетельства людей, лично наблюдавших неопознанные летающие объекты, в течение достаточно долгого времени сопровождавшие самолет Аэрофлота. Более того, весь этот душераздирающий рассказ о том, как корабль (а что же еще?) пришельцев то обгонял самолет, то отставал, то зависал рядом с ним, меня окраску, а порой и форму, был снабжен комментарием члена-корреспондента АН Желтухина из Новосибирска.

— Вот видишь, — сказал мне начальник. — Ты меня все время убеждаешь, что об НЛО писать нельзя, что визы на такие материалы достать невозможно, а люди ведь сумели как-то. В общем, собирайся и немедленно лети в Таллинн (тогда еще, повторяю, с одной буквой «н») и делай оттуда полосу.

Я попытался сказать, что совершенно непонятно, почему надо лететь в Таллинн (даже с одним «н») — ведь мало ли где на трассе от Львова могла произойти сенсационная встреча, к тому же немедленно ничего тоже делать не стоит — ибо материал в «Труде» запросто мог пролежать и полгода с момента не только события, но и написания... Но мои доводы восприняты не были.

Одним словом, я решил пойти другим путем. Прежде всего позвонил знакомым в «Труд», чтобы узнать подробности. Те отвечали уклончиво и как-то кисло.

Тогда позвонил в Горький — член-кору Троицкому, председателю академической комиссии по аномальным атмосферным явлениям. Попросился в гости для разговора об НЛО вообще. Член-кор от дома не отказал, но предупредил, что визу на интервью я буду добывать самостоятельно, он, Троицкий, помогать мне не будет, ибо прекрасно знает, что академик Прохоров, который единственный и имеет право визировать подобные материалы, даже рассматривать их категорически отказывается, ибо ни в какие НЛО не верит. «А «Труд»?!» — вскричал я. «А как «Труд» — не знаю», — ответил Троицкий и добавил, что в этой публикации лично для него вообще много загадочного. И особенно загадочен комментарий Желтухина, ученого, занимающегося совсем другими вопросами: даже с учетом этого комментарий поразительно безграмотный. Вообще же, задумчиво закончил председатель комиссии, то, о чем написал «Труд», ему кое-что очень напоминает, но разговор это, конечно, не телефонный.

И тогда я совершил самый верный поступок за утро: пошел к уполномоченным Главлита. «Ребята, — сказал я им как если бы между прочим, — «Труд» сегодняшшний читали? Во они там дают, да?»

Те будто этого и ждали. «Да мы только что с совещания. Да нам всем за них сейчас так врезали. Да парня нашего из «Труда» уже отстранили...» Скандал, одним словом.

А что же, собственно, произошло?

А произошло вот что.

Из номера в предпоследний момент сняли достаточно большую заметку — никто теперь и не вспомнит, по какой причине. Стали искать, чем ее заменить. И на столе заведующего отделом науки отыскали гранку про НЛО, причем на полях карандашная надпись: «Виза академика Прохорова» — и дата. Зав. отделом науки уже ушел домой, так что дежурный редактор лично пошел в цензуру, и под честное слово («да есть, есть виза Прохорова, только где, найти сейчас не можем») цензор полюсу подписал, с тем чтобы утром...

Короче говоря, мы, кажется, что-то там испытывали, а «Труд» к месту испытаний привлек внимание. Военные в бешенстве. На переговорах в Женеве американцы запросы делают. Слутник, говорят, подвесили...

Но виза-то Прохорова была или нет?

Да не было, конечно. Карандашная пометка означала лишь, что надо не забыть заметку Прохорову показать.

А Желтухин, член-кор. из Новосибирска, что же?

А ничего Желтухин. Своего текста он до публикации даже не видел. Журналисты его написали, а показать автору не успели. Так и напечатали...

А цензоры мне сказали: вот и доверяй вам после этого. И пригрозили: ну, теперь держитесь!..

2

Вообще же одной из главных загадок человеческого разума для меня как был, так до сих пор и остался феномен человека, отвечающего за то, что думает и пишет другой человек. Так, в 1972 году цензор вычеркивал в моей заметке упоминание о борьбе самбо («оборонный вид спорта») и адрес Московского городского радиоклуба. И, конечно же, глубоко потрясла мою тогда еще вполне юную душу редакторша издательства «Московский рабочий», где выходила книжка «Воскресные встречи «Московского комсомольца». Печаталась там среди прочего и моя беседа с профессором-хирургом Кириллом Симоняном, человеком ярким и своеобразным. Так вот, взявшись причесать уже опубликованную в газете беседу, редакторша внесла в числе других две такие поправки.

Во-первых, такую: «Потому что все оттенки смысла умное число передает, — как писал Гумилев», — повторил я в тексте вслед за Симоняном и очень боялся, что (по тем-то временам) Гумилева обязательно выкинут. Не того боялся! Редакторша фразу переписала так: «Потому что, — как писал («обязательно — пометила карандашом — указать профессию и инициалы») Гумилев, — все оттенки смысла...» — и так далее.

И второе. Фразу «Короткий флирт медицины с электроникой дал первой намного больше, чем ее многовековой брак с физиологией», — редакторша перевела на русский язык как «Симбиоз электроники с медициной дал последней больше, чем многовековое ее содружество с такой наукой, как физиология...»

Я, конечно, взвыл. Но Женя Бебчук рассказал, что из его беседы с космонавтом Горбатко мудрая женщина вообще выкинула наблюдение о том, что «Собака слышит лучше человека, кошка — видит лучше него...» «Но почему?!» — орал Бебчук. «Неужели вы не понимаете? — совершенно спокойно, без тени раздражения отвечала та. — Мы же себя перед ними этим унижаем...» «Но ведь ОНИ этого никогда не прочитают!» — кричал Бебчук, но тоже добиться ничего так и не смог.

И в те же годы Главлит потребовал визу космической цензуры на снимок ракеты, установленной на ВДНХ СССР, а подумав — снял (причем с немалым скандалом) фотомонтаж, в котором фигурировала ракета-игрушка, приобретенная в «Детском мире». Страшно даже представить себе, что бы было, увидь ее агенты западных разведок!..

3

Правда, было и такое.

26 октября 1981 года из «Комсомолки» со страшным скандалом уволили Володю К., корреспондента отдела новостей. И вот за что.

Развлекаясь, он вписал в ненужное ТАССовское сообщение несколько слов, и получилось в результате: «На Бендерском фанеростроительном заводе из отходов производства освоен выпуск аэропланов, на которых каждый желающий может улететь непосредственно в Париж». Получившуюся заметку он, вволю над ней, немудрящей, насмеявшись, бросил на стол в кучу бумажонок, где та и зацепилась за какую-то другую, вместе с ней угодила в типографию, а там — и на полосу. Никто из дежурной бригады на ТАСС внимания не обращал — заметка и заметка, корректура тоже в смысл не вдумывалась, и вот в десять тридцать вечера, уже после подписания номера, звонит ведущему редактору уполномоченный Главлита. «Вы меня, конечно, извините, я понимаю, вы за ТАСС не отвечаете, но все-таки какая-то странная заметка... И по нашему списку в Бендерах фанеростроительного завода нет, а какой есть, он чуть по-другому называется... Может, все-таки поправим?..»

Взглянул ведущий, стало с ним на минуту плохо. Номер остановили. Заметку вышвырнули. Незаметного героя отыскивали..

А если б не цензура?..

Хотя, справедливости ради замечу, цензура бдительность проявляла куда как чаще, нежели преступное ротозейство. Даже надеяться на которое я бы никому не посоветовал, вот ни за что бы не посоветовал — и все тут!

4

В конце 1988 года журнал «Урал» собрался опубликовать главы из «Новомирского дневника» Алексея Кондратовича — о последнем годе «старого» «Нового мира», о его неравной борьбе с идеологической цензурой. Но у «Урала» ничего не получилось: на защиту цензуры образца 1968 года грудью встала цензура эпохи перестройки: Главлит сначала категорически запретил печатать дневник вообще, а потом, после долгих переговоров редакции с московским руководством, согласился ограничиться отдельными вымарками. Но, увидев, что это за сокращения, главный редактор журнала Валентин Лукьянин уже сам не захотел публиковать кастрированный текст. Его обращение в ЦК КПСС с просьбой вмешаться и защитить, как он выразился, «идеологические завоевания XIX партконференции», ни к чему не привело: аппарат ЦК к просьбам почему-то остался глух и предпочел стать на защиту «не подлежащих разглашению методов работы Главлита».

Лукьянин подарил мне верстку «Дневника» с цензорской правкой. Чтение, я вам скажу, захватывающее и в августе 1990 года. Так все-таки что за тайны двадцатилетней давности с таким упорством защищал Главлит эпохи перестройки? Давайте прочитаем только несколько «выру-

бленных» цензурой мест, как представляется, абсолютно не нуждающихся в каких бы то ни было комментариях.

Итак, начнем с самого начала верстки.

* * *

18.IX. 1968 г. В первой же фразе «Дневника»: «С подписанием номера Главлит не чешется» — слово «Главлит» заменяется на «никто».

Далее воспроизводятся только опущенные места:

13.1. 1969 г. Главлит еще на 2 дня откладывает решение. Я так разозлился, что руки задрожали... Тут же, не теряя времени, позвонил Беляеву (зав. сектором ЦК КПСС), спросил его, в курсе ли он того, что происходит с нашим двенадцатым номером. Он сделал вид, что не совсем не в курсе, и тут же не без ехидства спросил: «Но ведь вы, наверно, опять поставили какие-нибудь сомнительные материалы?» — «Я не знаю, что вы понимаете под сомнительными. Главлит в свое время никак не решился подписать Айтматова и Зальгина, а теперь они получили Государственную премию». Тут он взорвался: я наступил на его мозоль. «Но ведь вы знаете, что мы не читали их в ЦК». «Отлично знаю (оказывается, он принял упрек на себя!) и говорю не о вас, а о Главлите. И о том, что Главлит делает сейчас с нами».

И тут же, специально для него, добавил: «Может быть, нам еще одно письмо в ЦК написать?» Беляев тут же сбавил тон: «Я разберусь, я позвоню, узнаю...» — и перевел атаку на другое направление: «Вот я прочитал у вас в одиннадцатом номере Воронова. Удивляюсь, как можно было напечатать такую слабую вещь...» — «Почему же слабую... вам так кажется, а многие думают иначе». — «Но нельзя писать роман о Магнитогорске, о рабочем классе, о войне — и ничего не увидеть, кроме недостатков... Это уже такое приземление (любимое их словечко, так же как «дегероизация»)). Я говорю ему, что он не понял романа. Роман не о рабочем классе, а о детстве и юности героя. Он: «Глазами фезеошника все увидено». — «А почему нельзя глазами фезеошника смотреть на жизнь?» — «Да можно, конечно, я сам в двенадцать лет стоял за станком в Свердловске, но у него даже неясно, кто с кем воюет». — «Но вы же прочитали половину романа, как можно судить по половине! А роман кончается Днем Победы, который встречают рабочие на заводе, и там ясно не только, кто с кем воюет, а кто кого победил». — «Да, конечно, вторую часть я не читал». — «Так в том и дело, как же вы судите раньше времени?» — «Хорошо, я разберусь»...

В тот же день: «...Разговор (с цензоршей) был предельно четкий, резкий и достаточно демагогический (а демагогия — одно из могущественнейших средств борьбы с демагогами)... Когда она стала говорить, что Бирман (экономист, автор «Нового мира») построил статью специально с расчетом: сначала показать обреченность капитализма, а по-

том — после Ленина — подвел читателя к мысли, что если мы не будем заниматься социальными вопросами, то и у нас произойдет революционный взрыв. Как и где она вычитала — уму непостижимо. И глупость-то какая: если не будем заниматься социальными вопросами... А как же ими вообще не заниматься!.. Тут я взорвался:

— Так что же вы думаете, что и Бирман, и редакция хитрят и протаскивают какую-то контрреволюцию?

Нет, она так не думает, но статья так построена...

Я рассмеялся и сказал: хотите, я сейчас же вычеркну главу, в которой Бирман говорит об обреченности капитализма, потому что она, по-вашему, специально написана. Но тут только сейчас же скажу, что снял эту главу по вашему настоянию. Главу, разоблачающую капитализм и показывающую преимущества социализма. Она аж побелела и протянула руку к телефону, сказала, что она тоже сейчас позвонит. «Звоните, но только то, что вы сейчас говорите, сочинив дурацкую концепцию и приписывая ее Бирману, не лезет ни в какие ворота».

Кое-как успокоилась. Стали заниматься другими делами...

...Вдруг она заявила, что Воронова они зря подписали: допустили ошибку. Я: «Что же вы будете делать теперь? Ведь тираж-то уже пошел, и его под нож не пустишь...» — «Но ведь мало ли что, окончание следует... Может быть, оно появится в феврале, марте...» — «Нет, — сказал я, — этим вы никого не обманете, ни в феврале, ни в марте вторая часть не появится...» Расстались холодно, как никогда.

6.II. 1969 г. (Разговор с В. Кавериним, зашедшим в редакцию посмотреть вариант последних глав воспоминаний Эренбурга с тем, чтобы потом показать их его вдове) «...Он сказал, что в требованиях цензуры ничего не понимает. «Тут и понимать нечего, — ответил я. — Достаточно читать газеты и чувствовать, что куда идет или плывет». Он засмеялся: «Конечно»...

13.III 1969 г. «... Я рассказал А. Т. (Твардовскому), что у нас едва ли пройдет рецензия на книгу «Большевицкая партия в борьбе с царской цензурой». А. Т.: «Только подумать, до чего мы дожили, уже надо спасать царскую цензуру! Не дай бог, если подумают, что наша цензура похожа на ту».

14.III. 1969 г. «...Загремит статья Лациса (экономист, публицист, ныне — член ЦК КПСС), очевидно, будут посылать в ЦК. Я говорю (цензорше): «Но ведь Лацис основывается только на партийно-правительственных документах. И ничего нет больше. Статья — в известном смысле большая обзорная рецензия на шеститомник документов». Но что она может возразить? Документы-то осмысляются.

Рецензия о большевицкой партии и цензуре. Романов (в описываемые годы — начальник Главлита) снял. Не стесняясь, сказал, что есть аналогии. Это очень смешно, если бы не было очень грустно».

19.IV. 1969 г. «... Один из исторических парадоксов: цензуру идейно-политическую и даже художественную, т. е. фактический контроль

малосведущих людей над печатным словом, ввел Хрущев после романа Дудинцева «Не хлебом единым». Тогда-то, собственно, и возникло это понятие «цензура» — вначале полутайное, потом уже открытое. Всегда можно было сослаться на цензуру. Помню, как несколько лет назад я, впервые встретившись с заместителем Романова Назаровым, резко схватился с ним, когда он сказал, чтобы я не ссылался на мнение Главлита. «То есть как это, — спросил я, — на кого же я буду ссылаться?» — «Придумайте что-нибудь, — сказал он, — но на нас ссылаться нельзя». — «Ну уж нет, — сказал я, — я в дурацком положении не хочу быть и не буду. Что же получается, я говорил Воронову, что его «Гибель такси» (спор шел именно об этой повести) мне нравится, а теперь вдруг заявлю ему, что подумал и решил, что повесть так себе, печатать ее не стоит, хотя мы ее и набрали. Нет, в таких дурачках я ходить не буду, и тот, кто снимает, пусть и отвечает за снятие. И я буду ссылаться на вас, если вы снимете». Назаров пригрозил мне тогда ЦК и пр., на что я ответил очень резко, что пусть он докладывает куда угодно, но если он снимает, то ответственность должен нести он. А заставлять меня хитрить, изворачиваться — дело пустое и безнадежное.

Теперь произведена новая реформа, по которой ссылаться на Главлит нельзя под угрозой административного взыскания. Но этот параграф с угрозой не зачитывался даже на совещании в ЦК. О нем не упоминалось ни на одном совещании. Он существует как секретный только в сферах работников Главлита. Но существует ли он?..»

* * *

Это цитирование можно продолжать еще долго: карандаш цензоров гулял, я бы сказал, вполне раскованно. Но, мне кажется, все достаточно ясно и так, и верстка дневников двадцатилетней давности со всей этой самой свежей, перестроечной правкой становится таким образом своеобразным литературным памятником сразу двух эпох.

Я написал эти строчки сразу после введения в действие Закона о печати, отменившего предварительную цензуру, но вступили ли мы с 1 августа 1990 года благодаря этому в третью эпоху, думается, покажет все-таки будущее.

ИСПАНСКАЯ СЮИТА

В один прекрасный весенний день 1981 года пришел ко мне в кабинет Генка Жаворонков, сел за стол напротив и спросил: «Слышал про Ф-на?» — «Он что, вернулся уже?» — без особого, впрочем, интереса поинтересовался я, так как Ф. был командирован в испанский городок Ха-

ку на Всемирную универсиаду. Генка сделал мхатовскую паузу: «Он остался!..» — «Дану!» — обрадовался я. «Нет, правда». — «Да верю, верю, — сквозь смех успокоил я Жаворонкова. — Просто я ему рекомендацию в партию давал...»

Начальники по редакции в эти дни ходили бледные. Стало известно, что еще третьего марта, непосредственно в день закрытия XXVI съезда КПСС, Ф-н позвонил главному из какого-то городка на юге Франции, сообщил, что не знает, как туда попал, и спросил совета. Главный посоветовал собрать волю в кулак и добираться до нашего посольства. На что Серега заметил, что уже что-то подписал, что документов у него советских уже нет, а есть лишь французский вид на жительство, и отключился.

От одного этого поbledнеешь. А Серега, кроме того, начал давать интервью направо и налево, и история выбравшего свободу известного советского спортивного журналиста прочно заняла свое место на всех мутных волнах дружественных радиостанций. Слух о нем прошел и по Руси великой; более того, Сердюков, вернувшийся из командировки в Ташкент, где пил с какими-то местными кагэбешниками, рассказывал, что местные кагэбешники все допытывались у него между тостами, что это у нас такой во Франции разговорчивый — его все западные спецслужбы остановить не могут: все болтает и болтает...

Про меня стали говорить: «Рекомендующий пьет до дна», и вообще всячески сочувствовать. Я же еще пытался находить во всем этом что-то смешное, но все-таки от греха и прочих разбирательств выписал себе командировку в Удмуртию (где, между прочим, выучил попугая своих ижевских знакомых говорить: «Почем Родина?»).

Единственно, что могло утешать, так это разве что вера в своего мужа Нинки, жены пропавшего журналиста. Когда к ней пришли и сказали, первыми Нинкиными словами было: «Этого не может быть! Он мне обещал привезти дубленку!..»

Но вот уже и Юра Щекочихин, побывавший в той же Хаке в составе делегации пропагандистов, вернулся в столицу нашей Родины, пропел в Шереметьеве вместе с артистом Винокуром: «Здравствуй, мама, возвратились мы не все...» Вот уже и бледные начальники начали покрываться нездоровым румянцем, а секретарь парторганизации — я сам видел — как-то сидел на приступочке нашего редакционного мемориала (между прочим, работы Эрнста Неизвестного, что горестную фигуру секретаря поднимало до символики), обхватив голову руками...

И вдруг Сергей нашелся! Он явился, вырвавшись из липких лап наймитов капитала, непосредственно в советское посольство в Париже, где сообщил, что упомянутыми наймитами был в жару опоен под видом кока-колы одуряющим напитком и в бессознательном состоянии доставлен за испанскую границу. Начальники несколько воспряли, и непосредственный Серегин руководитель бросился писать очерк о подвиге

журналиста. Но журналиста еще предстояло доставить из Парижа и решить — уже здесь, — что с ним делать.

«Увидеть Париж и умереть», — пошутил про Сергея Хабидулин.

В редакцию между тем была вызвана Нинка. Ей отпечатали текст слов: «Дорогой Сережа! Мы все возмущены гнусной провокацией... Мы ждем тебя...» и так далее. Привели в стеньбюро, соединили с Парижем, где на другом конце провода сидел ее муж, наверное, с таким же листочком. Потом Нинка зачитала текст, ее уже собирались отключать, но она успела выкрикнуть: «А как твой чемодан, Сережа? Как чемодан?..» С присутствовавшим при беседе замом главного стало плохо, и Нинку увели.

...На аэродроме Серегу пышно встречали — главный редактор, все три его заместителя, секретарь партбюро — и сразу куда-то повезли разбираться. Статью о подвиге в результате разбирательства решили все-таки не печатать, тем более что кока-то колол, но вражьи голоса Серега наговорил вовсе несусветного: про то, скажем, кто из наших зарубежных соборов, по его мнению, офицер КГБ и в каком, по его мнению, звании. К тому же определенное, думаю, впечатление произвело и то, что тайно похищенный журналист успел-таки захватить во Францию чемодан с наиболее ценными вещами — приобретенными на командировочные магнитофонами там, дубленкой (права была Нинка!)... Поэтому героем Серега объявлен не был. В редакции же прошло заседание партбюро, на котором несколько оправившийся от пережитых волнений главный редактор сообщил версию для всеобщего употребления, в частности, объяснил, зачем наш спецкор делал заявления для печати. Оказывается, под угрозой физической расправы, ибо агенты не давали ему пить-есть, кроме (почему-то) баночного пива. Последнее лично меня окончательно убедило, что Сергея действительно мучили. В коллективе это тоже называлось «пыткой коньяком», причем некоторые даже передавали слова палачей: «Пей «Наполеон», большевистская собака!..»

Где-то через месяц разборка, надо полагать, закончилась, и Сергея даже вернули на работу. Но товарищи по отделу спорта окружили его стеной неприязни, и хотя руководство газеты настаивало на публикации разных его заметок (как понимаю, для произведения хорошего впечатления на заграницу), престижные футбол-хоккей у него отобрали, а посылать стали все больше куда-нибудь в Пермскую область — писать о проблемах ГГО, что и само по себе противно...

Еще через два месяца на очередном партсоборании в разделе «Разное» было вдруг зачитано заявление кандидата в члены КПСС С. П. Ф-ина, в котором тот попросил «за проявленную во время заграникомандировки политическую близорукость, повлекшую за собой ряд серьезных ошибок», прервать ему прохождение кандидатского стажа.

Невзирая на имеющуюся мою рекомендацию просьба была удовлетворена единогласно. Что впоследствии дало Сереге основание писать в инстанции жалобы на плохое к нему отношение в коллективе, в то

время как вины за ним никакой никогда не было, о чем свидетельствует отсутствие каких бы то ни было примененных к нему мер административного или партийного порядка. Начальникам приходилось отвечать на эти обращения, ругая себя за непредусмотрительность.

Кстати, любопытно отметить, что из числа посетивших тогда испанскую Хаку ряды КПСС покинул еще и Щекочихин — правда, два сезда спустя, в июле 1990-го, и будучи народным депутатом СССР.

* * *

А вот история, на первый взгляд очень похожая на предыдущую, но в полном смысле слова со счастливым концом. Ее рассказала мне знакомая переводчица, сопровождавшая в Италию и Францию делегацию Верховного Совета СССР.

Был в составе делегации некий сибирский лесоруб Василий, человек замечательной могучести и надежности. Так вот именно он и пропал, причем уже на второй день пребывания на итальянской земле, в стране, то есть, входящей в агрессивный блок НАТО и где потому от советского человека, не говоря уж о государственном муже, требуется повышенная бдительность и готовность к отпору.

Как ни горько признавать, но именно этих, так необходимых в экстраординарных условиях враждебного окружения качеств Вася не проявил. Видели, как он вышел из гостиницы, зажав в руках немногие причитающиеся ему лиры, и — не вернулся.

С каждым днем надежды на то, что он «лиру посвятил народу своему», таяли как лиры в кошельках сохранивших бдительность Васиных коллег. Депутата же Васи не было, что грозило не только международными, но и внутренними осложнениями. Правда, несколько успокаивало то обстоятельство, что пропавший не делал никаких заявлений, на воспитавшую его и пославшую за свои рубежи страну не клеветал и политических убежищ в этом портовом итальянском городе не просил...

Во Францию делегация уезжала без Васи. Жаль, конечно, товарища, настроение было соответствующее, но долг и необходимость укрепить разрядку с Европой заставляли пренебречь даже впитанным с молоком матери чувством локтя, так свойственным нашему человеку. Поиски же человека продолжало посольство.

...Нашелся Вася, по странному совпадению, в том же самом месте, где и пропавший годом позже в испанской Хаке советский спортивный журналист Сережа. А именно — в Париже, в советском же представительстве. Но что в конце-то концов произошло с ним в городе Генуе?

А вот что.

Когда Вася шел по улице в рассуждении купить недорогие подарки семье и товарищам по работе, к нему обратилась (по-итальянски, естественно) женщина вполне определенных занятий со вполне определенными

ми предложениями, которые Вася, будучи высокоморален, отверг с негодованием, показав зажатую в кулаке инвалютную наличность. Но женщину это почему-то не остановило, и в процессе дальнейшей беседы (на эсперанто?), привлеченная, надо думать, душевными статьями сибирского лесоруба (или же находясь на жалованье ЦРВ?), она привела советского сенатора в третьеразрядный припортовый бордель, где, разумеется, таковых — в полном смысле — высоких гостей не принимали, наверное, со времен адмирала Колумба.

Короче говоря, сенатор Вася в борделе прижился, как мог укреплял советско-итальянское сотрудничество и на бесплатных харчах внес в него, надо думать, вклад не меньший, чем вся оставленная им делегация в полном составе. Но при этом Вася внимательнейшим образом следил за календарем, и, как дело подошло к окончанию заграничной командировки, сказал шлюхам: финита! И те, обливаясь слезами, посадили сенатора в паром до Марселя, снабдив лучшими рекомендациями к своим марсельским коллегам.

Но во Франции Вася наконец столкнулся со звериным оскалом капитализма: марсельские подружки генуэзских проституток готовы были принять советского сенатора на бесплатное содержание, но вот командировать его за свой счет до столицы республики отказались категорически. В результате Васе пришлось даже продать золотые часы — подарок, если я не ошибаюсь, министра.

А в посольстве... На Васю нажились с разного рода претензиями и угрозами: да мы тебя!.. «А что вы со мной сделаете?» — искренне удивлялся Вася. «Да мы тебя из партии!.. Да мы тебя из депутатов!..» «Да ради Бога», — цинично парировал сенатор и напевал что-то вроде «Привыкли руки к топорам...»

Но те все-таки нашли, чем его уязвить. «Ах, так, — сказали. — Про все твои штучки жене сообщим!..» И Вася смертельно обиделся.

— Нет, ты представляешь, — говорил он моей знакомой, переводчице, сидя рядом с ней в креслах авиалайнера по пути на Родину. — Чего задумали, гады, — жене! А чего — жене? Я, ты посмотри, жене лифчик купил? Купил! Ребятам в бригаде сувенир везу? Везу! Чего им еще, гадам? А они — жене!..

И Вася доверительно показывал моей знакомой приобретенный для друзей сувенир — смешную игрушку: маленькая коробочка, а нажмешь незаметно на кнопку — из нее вдруг вылетает огромное... неприличное...

Как выяснилось, несмотря на свои международные контакты, Вася все еще был не силен в итальянском и все спрашивал озабоченно у моей знакомой: «Но почему он зеленый? Это значит что-нибудь у них или так, для смеха?..»

Дальнейшая судьба сенатора мне не известна. Застой крепчал, на ростки разрядки международной напряженности все налетали и налетали ледяные порывы холодной войны. Вася рубил лес. В Верховном Совете заседали другие люди...

Но все были довольны.

ПАМЯТНИК, А — РУКОТВОРНЫЙ!..

1

Однажды вдова скульптора Натана Альтмана, будучи женщиной более чем небогатой, решила продать государству работу покойного мужа, а именно голову вождя революции, которого, как известно, он имел редкую возможность ваять с натуры.

Вела долгие переговоры с Министерством культуры, и наконец — телефонный звонок из приемной замминистра: «Это вы продаете бюст головы Ленина?»

Ну, пожилая женщина, натурально, пришла в себя и, конечно, поехала в министерство, ибо, как потом объясняла, больше всего ей хотелось посмотреть на свою телефонную собеседницу из приемной. Видит — сидит, молодая и красивая.

— Простите, это не вы мне звонили?

— Я. Что такое?

— Простите, а вы и правда уверены, что у головы есть... бюст?

Повернулась красавица в своем вертящемся кресле, осмотрела вдов-посетительницу.

— Бюсты, — объяснила, — бывают разные. Есть бюсты головы. Есть бюсты по грудь. Есть бюсты во весь рост.

Вдова, конечно, объяснением удовлетворилась. И успокоилась, убедившись, что работа мужа попадает в надежные руки.

2

А однажды (году, если точнее, в 1978-м) был я в командировке в колхозе-миллионере имени Ленина Кировоградской области. И его председатель, хитрый хохол Василий Моисеевич Гуртовой, Герой Соцтруда, сказал мне: «Есть у меня час, давай я тебе свое господарство покажу». И сели мы в уазик, заколесили по улицам действительно богатого и вроде бы процветающего села Суботцы — от детсада к школе и дальше, дальше, дальше — по улице Молодежной, что я потом, разумеется, не преминул отметить в материале...

И вот подъезжаем мы к саду, а сад, надо сказать, в колхозе этом и был той самой бездонной бочкой, из которой Гуртовой едва ли не все миллионы свои выкачивал, отличный сад. И вижу я перед главными воротами удивительный памятник великому преобразователю природы Ивану Владимировичу Мичурину. Сидит великий преобразователь на са-

мом краешке длиннющей скамьи, а смотрит почему-то не прямо, а как-то вбок и на удивление испуганно.

— Что это у вас, Василий Моисеевич, Мичурин какой-то странный? — спрашиваю председателя.

А тот отвечает небрежно:

— А!.. Та рядом с ним Ста-алин сидев. Сталина снялы, а этот сидит. Так у меня главный садовод сталинист, проштрафится в чем — я ему: смотри, уволью на пенсию, будешь у меня с Мичуриным сидеть! Обижается...

3

А в это же примерно время в городе Берлине, тогда еще столице братского социалистического государства, герой труда, бригадир строителей всем впервые приходящим в его вагончик журналистам наливал символическую стопку, если можно так выразиться, в кубок странной формы, тяжелый и отличающийся тем, что поставить его на стол, пока все до капли не выпьешь, ну никак невозможно.

Так вот, только когда журналист кубок осилит, ему и сообщает бригадир, что изготовлена, оказывается, посуда из кончика носа демонтированного в начале шестидесятых берлинского памятника все тому же Иосифу Виссарионовичу.

И наливает оставшемуся с носом гостю следующую порцию.

4

Рассказывают еще, что когда Луначарский в разгар гражданской войны приехал в Киев, он в тесной компании старых университетских друзей стал рассказывать, как новая власть стремится сохранить все лучшее от старой культуры. Обмолвился в этой связи и о памятниках, которые Советы намерены установить выдающимся этой культуры деятелям.

— Может, и Достоевскому установите? — сыронизировал кто-то из собеседников.

— И Достоевскому! — подтвердил Луначарский. — Между прочим, и декрет уже подписан. Вот только не решили еще, с какой надписью памятник ставить.

— А чего же здесь решать? — удивился собеседник. — Все ясно: «Федору Михайловичу Достоевскому от благодарных бесов»!

Между прочим, совет был воплощен в жизнь практически дословно. На новом памятнике Гоголю, возведенном в Москве, на месте гениального андреевского, который, в свою очередь, убрали с глаз людских в незаметный дворик на Суворовском бульваре. на этом памятнике именно так и написано: «Гоголю от Советского правительства».

БЕСЕДА ПРОШЛА В ТЕПЛОЙ И ДРУЖЕСТВЕННОЙ...

Было это летом 1978-го, когда под городом-героем Тулой проходил Всесоюзный финал военно-спортивной игры «Зарница». А, как известно, «Комсомольская правда» в те годы армию не шельмовала. И коль скоро несравненное миролюбие Советского государства с самого раннего детства его граждан надежно выковывалось прежде всего именно в таких играх, то, если уж «напевать — лучше хором», в светлое будущее самая прямая дорога, безусловно, это дорога, по которой люди печатают строевой шаг в составе взводной колонны.

В общем, газета, в которой я работал, освещала тогда «Зарницу» широко и с любовью. Патронов (то есть строк) не жалели, и стрельба, таким образом, в полном смысле слова шла по газетным площадям самой внушительной гектарности.

Но, с другой стороны, мало-мальски престижной такая работа, конечно, не являлась, и посылали на юнармейские фронты, как правило, стажеров да практикантов. В Тулу же послали меня, хоть мой рейтинг был уже позначительнее. И случилось это потому, что в самый последний момент где-то на самом «наверху» приняли решение открытие финала отметить на страницах газеты масштабным интервью с первым секретарем Тульского обкома партии, который на правах хозяина должен был порассуждать о проблемах военно-патриотического воспитания подрастающего поколения как такового. Ну, и, разумеется, на такое дело стажера не пошлешь, равно как и практиканта к первому секретарю не командирешь.

Командировали, значит, меня, и, естественно, спешно, поскольку «наверху» упомянутая идея с интервью (как, впрочем, и все рождающиеся там идеи) родилась буквально в самую последнюю минуту. То есть вечером в пятницу я получил задание, утром в субботу должен был приехать в Тулу, где на вокзале меня встретит первый секретарь обкома комсомола, который, по замыслу организаторов акции из ЦК ВЛКСМ, и сведет корреспондента с партийным руководителем, а корреспондент, побеседовав с этим руководителем, немедленно напишет девять страничек текста, завизирует их у собеседника, передаст по телефону в Москву, с тем чтобы текст уже во вторник утром могли читать во всех уголках нашей бескрайней Родины — потому что финал «Зарницы» открывается именно во вторник и, естественно, читатель именно в такой день с нетерпением мечтает прикоснуться к размышлениям на заказанную тему.

А надо сказать, первым секретарем Тульского обкома партии был в те годы человек многим замечательный — Иван Харитонович Юнак, «особа приближенная к императору», краса и гордость административно-командной системы. Десятилетие минуло, но и сейчас, в разгар пере-

стройки, чего только не высветившей, о нем легенды рассказывают. Так, уже летом 1990-го я слышал, как жена Юнака будто бы распорядилась любимый пруд спустить — сразу как узнала, что в нем доярки после смены искупались. Ну, и пруд, естественно, тут же спустили... Было ли, нет, но, согласитесь, имидж у руководителя среди когда-то руководимых сложился вполне определенный... А в описываемые времена... О!.. Иван Харитонович был на коне. Только что, как говаривали, лично у Генерального выбил «своей» Туле звание города-героя..

К такому вот человеку я и поехал, чтобы поговорить о военно-патриотическом воспитании пионеров и школьников, в котором Юнак считался большим специалистом.

На вокзале в Туле меня, естественно, никто не ждал. В штабе обкома комсомола, там расположенном, чтобы наставлять на верную дорогу приезжающие команды юнармейцев, лишь плечами пожимали недоуменно и единственно что знали, — это местонахождение своего первого секретаря (обкома ВЛКСМ то есть). Он был уже на месте, в воинской части, где и должна была проходить «Зарница». Что ж, прыгнул я в первый попавшийся автобус, с рязанцами, и поехал.

В части я быстро, где-то минут за сорок, нашел комсомольского вожака, который разгуливал по территории под руку с заместителем председателя ЦС пионеров. Мне не обрадовался: «Я ничего не знаю, ни о каком интервью с Юнаком меня не предупреждали, я не могу в субботу звонить Ивану Харитоновичу или даже его помощнику...» — «Давай тогда я сам им позвоню». — «Да что вы говорите! Я не готов брать на себя такую ответственность...» — «Ну, ладно, — не выдержал наконец я. — Вот при Анатолии (зам. пред.) я тебя предупреждаю, что сейчас же отправляюсь в Москву, потому что, как я понял, делать мне здесь больше нечего, так как помогать ты мне категорически отказываешься...» — «Ладно, ладно, не кипятись», — кисло пробормотал секретарь и пообещал что-то придумать.

Шла, напомним, суббота, а я находился в нескольких десятках километров от города, где, в свою очередь, пребывал мой будущий собеседник. А девять страниц интервью с ним уже были запланированы на вторник...

Итак, я маялся по военному городку без мало-мальски полезного дела. Пока, где-то часа в три дня, не подошел какой-то комсомольский функционер и со значением в голосе не сообщил, что их «первый» вышел звонком на заведующего! общим! отделом! обкома партии!!

— В общем, готовьтесь пока, а завтра будет принято решение, — заключил функционер и удалился, сохраняя значительность.

И я сел в штабной палатке и написал в столбик тридцать два вопроса, на которые хотел бы получить ответ еще до беседы с Иваном Харитоновичем. Ибо, не взирая на свою молодость, уже прекрасно отдавал себе отчет в том, что если сам не буду знать, скажем, сколько в школах Тульской области музеев боевой славы, то Иван Харитонович сообщить

это читателям и подавно не сможет. Честно говоря, вопросы были достаточно немудрящие, изначально рассчитанные на осведомленность комсомольских работников и их владение информацией, за которую они, собственно, и зарплату получают. Список я отдал первому секретарю, ближе к вечеру значительно повеселевшему, а после беседы с заведующим! общим! отделом! и проникшемся ко мне определенной уважением. «К утру все будет!» — заверил секретарь и удалился, неся мой листок в вытянутой впереди себя руке.

К утру меня разбудил уже знакомый функционер с красными от недосыпа глазами. В вытянутой впереди себя руке он держал мой листок, исчерканный какими-то карандашными знаками. «Вы нам задали очень трудную работу. Весь аппарат за ночь глаз не сомкнул», — сообщил мне функционер. «И что же?» — заинтересовался я. «И ни на один из ваших вопросов ответить мы так и не смогли. Но зато позвонил помощник Ивана Харитоновича и сказал, что текст беседы уже подготовлен и будет у вас после пяти часов».

«Что же это за текст будет?» — тоскливо подумал я, но делать было нечего, возможности хоть как-то влиять на события я был полностью лишен, а твердое убеждение в святости редакционного задания, выполнить которое я обязан, не давало возможности хлопнуть дверью.

Именно от нечего делать я и сел за машинку в штабной палатке и, сверяясь с текстами развешанных по стенам стендов и плакатов, начал настукивать беседу с И. Х. Юнаком, первым секретарем Тульского обкома, человеком, близким к Самому, специалистом по военно-патриотическому воспитанию. Сначала, скажу откровенно, дело шло туго, но потом я втянулся, сам себе задавая вопросы и сам же по мере сил на них отвечая. При этом «собеседник» проявлял неожиданную для человека его ранга эрудицию, обильно цитируя, скажем, стихи моих друзей, в том числе и те, что еще нигде не публиковались. В таких случаях «мой» Иван Харитонович говорил так: «Вспоминая строки одного молодого поэта...» — и шпарил их на память. Радовала и покладистость собеседника, его внимательное отношение к вопросам и уважительное — к человеку их задающему. Беседа текла живо и свободно, если же что казалось Ивану Тимофеевичу не так, он прямо переспрашивал: «Простите, я не понял...» Или говорил: «Здесь я с вами согласиться никак не могу...» — и объяснял почему...

Одним словом, когда к полпятому в палатку прибежал функционер и сообщил, что кто-то ошибся и, оказывается, никакого текста у помощника нет и не будет, а звонить в часть он, наоборот, будет и именно в пять, я воспринял сообщение достаточно спокойно, так как материал дописывал и мне оставалось едва ли не поставить в конце: «Беседа вел П. Гутионтов, наш спец. корр».

Итак, в пять ровно я подошел к телефону, снял трубку.

— Ну, Павел Семенович, давайте читайте ваш текст, — энергично произнесла трубка.

— То есть? — не понял я.

— Ну, ведь вы, как я понимаю, должны были полстранички подготовить, приветствие Ивана Харитоновича юнармейцам, так мне комсомольцы объяснили... Вот я и послушаю, и прямо по телефону завизирую.

— Но у меня ведь интервью, девять страниц, с Иваном Харитоновичем согласовывали... — залепетал я. — И если вы их готовы визировать по телефону...

Трубка помолчала. Как я понял, теперь уже помощнику было необходимо как-то переварить полученную новость.

— Интервью? — наконец спросил он. — Тогда конечно. Тогда не по телефону. Тогда вам, наверное, стоит приехать. Тогда через полчаса я буду в обкоме.

Воскресный обком радовал глаз пустотой коридоров и тишиной. Помощник Юнака оказался деловым человеком лет тридцати пяти. Текст мой прочитал в две минуты. «Очень, очень, по-моему, хорошо, — сказал, прочитав. — Вот только обязательно надо цитатку из Леонида Ильича вставить, вот, кстати, у меня и цитатка подходящая есть, очень хорошо ляжет...»

Надо так надо. Сел за машинку и уложил цитатку.

— Как вы намерены материал в Москву передавать, — спрашивал тем временем помощник. И я отвечал, что намерен диктовать по телефону.

— Ну, зачем же... Я сейчас фельда вызову, он к утру и доставит. Сейчас ксерокопируем текст и отправим, с фельдпочтой и отправим...

Появился человек, взял мой текст, тут же вернулся с пятью копиями. Следом за ним дверь открыл человек в военной форме и при оружии. Получил мигом запечатанный помощником пакет («В «Комсомольскую правду, редактору!»); козырнул и вышел.

Тут я и засомневался:

— А не лучше ли, чтобы Иван Харитонович все-таки сперва прочитал?

— А он читает, — небрежно ответил помощник, перебирая на столе бумажки.

— А вдруг он захочет что-то поправить?

— А он не захочет.

— Ну, если вы в этом уверены...

— А я уверен.

Чем тут крыть? На том и порешили.

Но прав тем не менее оказался все-таки я. В понедельник часа в четыре дня меня в лагере нашли и доставили к телефону. «Действительно, — сказал помощник, — Иван Харитонович попросил внести правку. Текст перед вами? На второй странице в третьем абзаце — нашли? Вместо «верность идеалам коммунизма» напишите, пожалуйста, «верность заветам Ленина...»

Разумеется, принципиальную правку собеседника я немедленно продиктовал в Москву стенографисткам, а утром во вторник отправился наблюдать парад, посвященный открытию финала.

Парад был как парад, уложились часа в три с половиной. Сначала марш юнармейцев по тульским улицам, затем митинг на площади. А когда на седьмом выступившем ветеране перегревшийся на солнце дети стали выпадать из строя, их посадили в автобусы и повезли приводить в порядок. А нас, журналистов центральных газет, пригласили на встречу с первым секретарем обкома партии.

Было нас человек пять. Тимур Гайдар из «Правды», я, двое ребят из «Пионерки», парень из «Красной звезды»... Иван Харитонович с каждым тепло поздоровался за руку, и я таким образом впервые его увидел, что называется, в натуральную величину. Сели за стол, и Юнак начал рассказывать, какое важное значение имеет патриотическое воспитание молодежи и как много времени уделяет он этому вопросу. «Да что далеко за примером ходить,— сказал он, проникновенно глядя непосредственно мне в глаза.— Вот третьего дня обратилась ко мне «Комсомолка» — дай да дай интервью... Ну, как откажешь? Пришлось встретиться, поговорить... Конечно, больше бы времени, можно было бы и серьезнее выступить, но время действительно не терпит...»

Вскочила Алевтина Васильевна Федулова, главная в то время пионерка Союза: «Дорогой Иван Харитонович! Мне только что звонил первый секретарь ЦК комсомола! Ваша беседа, опубликованная сегодня, содержит важнейшие, необычайно глубокие мысли... Уже сейчас начинается изучение их в комсомольских организациях... Спасибо вам за заботу о молодежи...»

— Ну уж, ну уж,— заскромничал Иван Харитонович. И стал рассказывать, как на эти же темы он недавно делился этими же мыслями с Леонидом Ильичом, и тот...

Конечно же, это был захватывающий рассказ. Но, каюсь, я его дословно не записал, а произнесенное людьми масштаба Ивана Харитоновича я привык воспроизводить исключительно дословно.

ЕСЛИ ГУРУ НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ

Про газетные ошибки и опечатки можно написать поэму, оперу, сагу, судебный протокол, фортепьянный концерт — на что только хватит таланта и усидчивости пишущего. И уж конечно, это главная тема журналистского трепа, и любая случайная встреча двух газетчиков неминуемо перерастает в своеобразный творческий конкурс на лучший эпизод быстротекущей жизни. Правда, победитель в этих конкурсах, кажется, ни разу еще определен не был, ибо, как известно, газета живет один день, а «ляпы» ее вечны.

От ошибок не застрахован никто, какой бы мощный аппарат для корректуры и проверки фактов ни привлекала редакция. Поэтому и в «Правде» вполне могло пройти смелое по тем застойным временам утверждение, что «обостряются непримиримые противоречия между социализмом и коммунизмом». И в еженедельнике «За рубежом» пришлось публиковать поправку: «Фразу, начинающуюся со слов «вместо права на...», следует читать: «Вместе с правом на образование советские люди имеют право на материальное обеспечение в старости...» И «Комсомолка» в материале о конкурсе балета напечатала: «По просьбе редакции итоги конкурса комментирует член жюри, выдающийся». Именно так, и затем секретный выдающийся (ибо назван он так нигде и не был) на сто пятьдесят строк делился своими впечатлениями...

Что уж говорить о такой ерунде, как фраза моего приятеля на первой полосе «Известий»: «Как гласит библейская мудрость, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Я, конечно, немедленно позвонил ему, строго представился отцом Павлом из канцелярии патриарха и сказал, что «мы очень, очень встревожены грубой ошибкой...» Что, «конечно, мы понимаем неумышленность этой ошибки, но и у нас есть люди, которые склонны рассматривать этот инцидент очень серьезно...» Причем мой замордованный газетной текучкой приятель долго не мог понять, в чем дело, ему пришлось пояснить, почему фраза про Магомета не может быть БИБЛЕЙСКОЙ мудростью, тогда он стал горячо извиняться, а я ему выговаривал, что, мол, мы опровержения, конечно, требовать не будем, прежде всего чтобы лишний раз не привлекать к ошибке внимания, но на будущее... «Ну, неужели трудно, коли решили писать на религиозную тему, проконсультироваться с нами...» Счастливым тем, что вроде бы отец Павел не собирается раздувать скандала, мой приятель обещал звонить и консультироваться...

Ошибки — это эпидемия. Они ходят стаями, и они неискоренимы. Они подчиняются особым законам, и в свое время в «Московском комсомольце», где я работал, редактор издал уникальный приказ, освобождающий сотрудницу Алену Б. от дежурств по номеру, как гласил текст приказа, «ввиду тяготеющего над товарищем рока».

Именно тогда «Комсомолец» опубликовал кроссворд, где текст был один, а «рубашка» к нему — от кроссворда совершенно постороннего. Причем легенда гласит, что нашелся-таки читатель, кроссворд отгадавший...

Именно тогда в тассовском отчете о визите в Москву президента Франции Помпиду оказались перепутаны строчки, из-за чего получилось, что во встрече высокого гостя в качестве заместителя министра иностранных дел приняла участие Е. А. Фурцева. И день начался с испуганных звонков сотрудников МИДа, интересовавшихся, «правда ли, что Екатерину Алексеevну к нам перевели?»

Именно тогда был опубликован черновой вариант («рыба») доклада на городской комсомольской конференции, где не оказалось ни одной

правильной цифры, ни одного верного факта. А примеры как хорошей, так и недостаточно хорошей работы райкомов были даны исключительно из алфавитного списка: «больших успехов достигли организации Бабушкинского, Бауманского, Волгоградского... серьезные недостатки отмечаются в работе Ворошиловского, Гагаринского, Дзержинского...» И самое замечательное, что несообразностей никто так никогда и не заметил...

А однажды был опубликован тассовский снимок проводов в аэропорту, на котором оказались запечатленными сразу три Андрея Антоновича Гречко: два маршала были представлены полностью, а третий половиной шинели. Просто для придания большей выразительности подобным композициям их выклеивают из отчетов с разных кадров. Ну, двух министров обороны убрать и забыли...

«Комсомолец», надо сказать, вообще со встречами-проводами отличался. И однажды едва не погорел по полной, что называется, программе. Прошло в сообщении, что среди встречавших в аэропорту присутствовал «помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Гришин». А был тогда В. В. Гришин со-овсем другого калибра человеком.

Разбор дела сразу был поднят на недостижимо принципиальную высоту — им занялся непосредственно секретариат Московского горкома партии, на заседание которого и были вызваны и. о. редактора Миша Шпагин и дежурный по номеру Паша Пэнэжко. Вел правее второй секретарь Греков.

Начали со Шпагина. Тот каялся и божился, что худого в виду не имел, что нелепая опечатка, разумеется, чудовищна, но плодом диверсии все же не является. А ему говорили: «Вы, товарищ Шпагин, не юлите! Лучше ответьте, какова политическая подоплека этой ошибки?» Шпагин же краснел и бледнел, но ответов, удовлетворивших бы высокое собрание, дать так и не смог.

В общем, разговор пошел в самой серьезной тональности, и участники разбора между собой начали уже говорить в том смысле, что, конечно, из партии Шпагина надо гнать, это ясно, но не закрыть ли и вообще газету, допускающую этакое...

Наконец Шпагина посадили: «Садитесь пока, товарищ Шпагин!» Подняли Пэнэжко. Ну, и по закону таких разбирательств, если с одним круто, то со вторым надо мягкостью. Так и сделали. «Вы, — говорят, — товарищ Пэнэжко, молодой коммунист, молодой руководитель отдела, как же вы не заметили эту грубейшую ошибку?» А тот смотрит через очки, глаза у подлеца хитренькие, и отвечает скрипучим голосом: «Как же — не заметил? Я ее сразу заметил». Шпагин утверждал потом, что в этот момент он оказался на грани сердечного припадка. Секретари горкома тоже впали в некоторое недоумение: «То есть как?» — спрашивают. «А вот так, — отвечает Пэнэжко. — Я просто подумал, что это сказано фигурально. В конце концов все мы помощники Генерального секретаря». Сказал он это и уставился в глаза Грекову.

Шпагин утверждает, что молчали минут пять.

Наконец Греков не выдержал: «Я думаю, пусть с ними горьком комсомола разбирается», — и отпустил обоих, если можно так выразиться, с миром.

И от Шпагина отстали до следующего скандала, когда в его дежурство корректура заменила строчку в новом Гимне Советского Союза на слова Михалкова и Регистана. Вместо «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы» в газете вышло «Сквозь годы...», в чем тоже был усмотрен определенный умысел.

Хорошо еще, что никто не узнал, как Шпагин во время дежурства с приятелем по телефону разговаривал. Тот спрашивает: «Ну, и что в мире новенького?» — «Да Гимн Советского Союза завтра читай», — отвечает Шпагин. «А где читать-то?» — «А в нашей газете, у нас будет самый полный текст»... Ну и, конечно, накаркал.

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ ЗАСТОЯ

1

Вот какой случай был в университете южного города А.

Работал там на юридическом факультете доцент Ш., специалист по гражданскому праву. И зовут его однажды к телефону. «Доцент Ш.? — спрашивают. — Это вас отец Василий беспокоит, мне посоветовали к вам обратиться». — «Какой еще отец Василий?» — «Из Успенской церкви... Дело в том, Александр Васильевич, что у нас прихожане, сами понимаете, люди в основном пожилые, так что не могли бы вы прочитать у нас в следующее воскресенье лекцию о пенсионном обеспечении в СССР?» — «То есть как — лекцию?!» — «Ну, сразу после проповеди... Ведь, согласитесь, правовой пропагандой и верующих охватывать следует. А мы вам, разумеется, заплатим...»

Тут доцент сообразил. «Нет-нет, — говорит. — Никаких лекций. Я, — говорит, — могу только по путевке общества «Знание»...» — «Отлично, — отвечает поп, — будет путевка».

И правда, через два дня приходит на кафедру конверт с путевкой. И там все как надо: и тема лекции, и место проведения — Успенская церковь...

А отец Василий опять звонит.

Доцент — в райком. А время, надо сказать, на дворе самое что ни на есть застойное, в райкоме, конечно, за голову хватаются — сами, говорят доценту, решить не можем. Обратились в горком.

А поп не унимается — в следующее же воскресенье милости просим.

В горкоме тоже на себя такую ответственность взять не решаются. Вышли на республиканского председателя комитета по делам религий — и тот в недоумении, первый раз с подобным сталкивается, придется звонить в ЦК... Но ведь и в ЦК все то же самое: завагитпропом — к секретарю, а время идет, отец Василий уже плешь проел...

До консультаций с Москвой дело не дошло. Секретарь ЦК решение принял, соломоново: «Не отказываться, но, по возможности, не читать». И пошло соломоново решение по всем ступенькам вниз: до райкома, декана и, наконец, нашего доцента.

А поп звонит не переставая. Ему-то что ответишь?

И доцент решил: ну, мол, вас всех к черту, пойду и прочитаю, тем более по путевке...

Итак, в услвленное воскресенье повязал галстук, натянул, не взирая на жару, пиджак поскромнее и пошел в Успенскую церковь. Отстоял в сторонке проповедь, подходит к попу. «Вы отец Василий?» — «Да». — «Здравствуйте, я Ш. из университета». — «Очень приятно». — «Я насчет лекции». — «Какой, простите, лекции?» — «Ну, как же, о пенсионном обеспечении... Вот путевка...» — «Да вы что, простите, издеваетесь? Это же, простите, Божий храм, а не лекторий!.. И перестаньте мне вашу липу совать, никаких лекций в церкви не читают...»

Все просто: это доцента разыграли друзья-приятели. Но ведь факт посещения им церкви с целью прочитать лекцию «наверху» уже зафиксировали, так что еще три года его ни под каким видом не выпускали за границу.

2

Вообще с этими розыгрышами... В «Известиях», например, есть такая легенда ли, быть ли...

Где-то году в 1949-м на стол сотруднику кто-то подбросил записку: «Срочно в парткомиссию горкома». И все. Ни зачем, ни к кому именно... Поспрашивал сотрудник у окружающих — все только плечами пожимает. Но время было строгое, и отправился он в горком.

Ходил там по кабинетам парткомиссии, объяснял всем и каждому: «Я из «Известий», меня вызывали...» Так добрался до приемной председателя. Секретарша спрашивает: «Кто вы, что вы? Из «Известий»? Сейчас доложу...» И тот немедленно принимает. «Садитесь, — папиросы подвинул, — закуривайте». А потом, уже поостроже: «Ну, давайте рассказывайте».

И журналист вдруг начинает человеческим голосом оправдываться: мы, мол, с фронтовым товарищем встретились, в ресторан зашли... «Так, в какой ресторан?» — «В «Метрополь»... Ну, и выпили, конечно, немного... Но за зеркало все заплатили, и претензий к нам нет...»

Короче, уходил с выговором.

Или такая история. В кабинете, где я сидел, было три стола, и за одним из столов сидел самый трудолюбивый из всех мною виданных людей — маленький финн Валера Х., Хил в повседневном общении. И раз, мучась страшной майской жарой 1975 года, второй мой сосед набрал номер телефона соседней комнаты и попросил Валерия Рудольфовича. В стену забили кулаком: «Хил! Хил! Тебя опять спрашивают, когда же это прекратится!..»

И Валера безропотно оторвался от бумажек, над которыми сидел самозабвенно, и отправился к соседям. А шутник всунул мне трубку в руку и побежал за ним, наблюдать за тем, что будет.

«Э-э... — сказал я, — Валерий Рудольфович? Это вы, э-э... писали поздравление «Пионерской правде», которое опубликовано в вашей газете?» — «Нет, не я», — на всякий случай быстро отвечает Хил. «Странно. В приемной главного редактора мне сказали, что вы...» — «Значит, я», — с готовностью соглашается Хил. «Это вас беспокоят из... э-э... Министерства культуры. Не могли бы вы подготовить для нас текст поздравления... э... английскому журналу для подростков. Ему... э... тридцать пять лет исполняется.» — «Как называется журнал?» — немедленно спрашивает Валера. А черт его знает — как? «Приятель», — отвечаю. «Знаю, «Феллоу», — тут же реагирует Валера. — Но как насчет оплаты?» — Так-так-так, думаю я, а вслух укоризненно: «Какие могут быть разговоры, Валерий Рудольфович, мы вас не обидим. — «Я согласен. Но журнал прогрессивный?» — «Ну, Валерий Рудольфович, — возмущаюсь я, — наша организация к КГБ намного ближе, чем ваша, расположена...» — «Как вам позвонить?»

И я, представившись Кимом Ивановичем и назвав какую-то невообразимую фамилию, дал Валере телефон знакомой, у которой был огромный дог Ким.

Зашел Валера в наш кабинет, сел за свой стол, переписал на календарь телефон Кима Ивановича и вновь углубился в свои бумажки. А минут через двадцать вдруг — хлоп себя по лбу и за трубку. «Можно, — говорит, — попросить Кима Ивановича?»

И тут я впервые в жизни увидел, как человека неведомой силой поднимает в воздух. «То есть как — сдох?!...» — выдохнул он, так и оставшись висеть над креслом.

Оказалось, что по трагическому стечению обстоятельств, именно в это утро дог действительно сдох, чего я и заподозрить не мог, как вы сами понимаете, иначе б, конечно, в любую жару так шутить поостерегся... В семье, где собака прожила двенадцать лет, ясно, думаю, какое настроение, а тут звонят, издеваются. Кима Ивановича ему!..

«То есть как — сдох?!.. — спрашивает, значит, совершенно ошеломленный Валера. — Я же с ним пятнадцать минут назад разговаривал?!..»

Выслушал ответ, опустил в кресло, трубку повесил, прямо перед собой сквозь стену смотрит. И в пространство же произносит, вполголо-са: «Пятнадцать минут назад разговаривал, а сейчас — сдох...» И прибавил тут Валера такую непечатную характеристику, очевидно, в свой адрес услышанную, что уже я чуть со стула не полетел. И замер Валера. «Но почему — СДОХ!..» — почти прокричал потом; хоть убейте, не вязалась никак подобная оценка сослуживцами из Министерства культуры произошедшей на их глазах трагедии, когда человек скорострительно умирает на своем рабочем месте, едва успев заказать поздравление английско-му журналу.

А тут позвонила по внутреннему секретарша из главной редакции и вызвала нашего шефа к руководству. Возвращается тот и с ходу на Хила: «Ну, Хил, все». А чтоб Валеру напугать, этого было вполне достаточно: «Что, что, Гена, случилось?» — «Это я у тебя должен спрашивать, что случилось! Кто тебя за руки тянул поздравлять фашистский журнал?»

Ну, тут, я вам скажу, такое началось!.. С Хилом второй раз за эти полчаса плохо стало. «Гена! Я не виноват! Это Ким Иванович!.. Он скорострительно скончался!.. Журнал прогрессивный!.. Их организация ближе к КГБ!..» — «Даже и слушать тебя не хочу, — отвечает суровый шеф, — совсем ты уже заврался, давай готовься, завтра на редколлегии отвечать будешь. Я за тебя уже получил свое, но уж и ты, будь уверен, свое получишь... Пошли, Пашка, кофе пить».

И вот пьем мы с шефом кофе, и распаивается дверь буфета, и заходит первый зам. главного, и произносит на весь зал: «Геннадий! Да утихомирь ты наконец своего Хила! Сиж у я, работаю, влетает он в кабинет, глаза горят: какой-то журнал, кричит, придерживается прогрессивных убеждений! Кто-то кричит, умер... Я ему: да выйди из кабинета!..»

Когда мы вернулись к себе, Валера сидел уткнувшись лицом в руки: «Он меня даже не захотел дослушать!..» — и нам три дня пришлось всем отделом убеждать его в том, что он пал жертвой вовсе не провокации спецслужб, а веселого дружеского розыгрыша...

* * *

...Нет, все-таки никогда так изобретательно мы не развлекались, как в те годы, на излете великой эпохи...

Я бы даже сказал, вся страна была заряжена на шутку, розыгрыш,

дружескую подначку. Другое дело, что при этом — за шутками и розыгрышами — сама великая эпоха получалась так себе, но здесь уж, как говорил поэт, «на эпоху нечего пенять». Сами, наверное, и были виноваты.

СМЕРТЬ ИЛЫЧА, или КОНЕЦ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

С 1982 года советский человек начал привыкать к хорошей музыке. Застой хорошо развивал наблюдательность; все это сразу заметили, и заливатски циничный городской фольклор немедленно отчеканил фенологическую примету: «Если с утра по радио Чайковский, — значит в Кремле — минус один».

Вечером 9 ноября девчонка из моего отдела давала отходную, — прощалась с коллективом, ибо уезжала на два года в Грецию с мужем-внешторговцем. Человек, надо сказать, Томка была хороший, товарищ верный, в газете работала давно, поэтому в нашей узкой комнатенке, уставленной столами и заваленной письмами трудящихся (а за каждым ведь — судьба человеческая...), непрерывно толпился редакционный народ, кто-то приходил, кто-то уходил, кого-то из стажеров гоняли в магазин «Восход», что у Савеловского вокзала, а кого-то из членов редколлегии — в буфет для начальников в дальнем конце необъятного нашего коридора...

— Ребята, вы знаете, концерт к Дню советской милиции отменили! — сообщил кто-то из вновь пришедших. — В программе есть, я специально вчерашнюю газету посмотрел, а сейчас почему-то отменили.

— Да ладно тебе, — легкомысленно ответили ему, — обойдешься без концерта, садись!..

Забегал дежурный по отделу иллюстраций Сашка Земляниченко. Этот рассказал, что его только что вызвал зам. главного К., отличавшийся удивительной весткостью суждений, и приказал удалить из номера «все фотографии с улыбающимися, к-хм, рожами». «Умер что ли кто?» — участливо спросил у него Земляника. «Не твое, к-хм, дело. Кто надо, к-хм, тот и умер, к-хм,» — ответил ему К.

Дело принимало совершенно определенный оборот, и мы еще минут пятнадцать поспорили, кто именно нас покинул. Версии предлагались самые фантастические, кто-то даже вспомнил, что перед ноябрьскими в городе вдруг срочно снимали все портреты Кириленко. «Да ладно тебе, — возразили ему. — Станут сперва портреты снимать, как будто такого человека и не было, а потом из-за него же отменять концерты. Какая здесь логика?» — «А где ты логику искать собираешься?» — в свою очередь вполне резонно парировал неумный кто-то и продолжал отстаивать кириленковский вариант. Пока его наконец не попросили заткнуться. И разговор перекинулся на более интересные темы: скажем, правда ли, что в Греции все есть, или молва все же преувеличивает? Томка пообещала все досконально проверить.

Наутро, в восьмичасовых новостях, радио зачитало приветствие ангольским товарищам по поводу их праздника, и подписал это поздравление Президиум Верховного Совета. А так как Леонид Ильич ни за что бы не упустил такой возможности, все стало ясно. Я даже успел на остановке маршрутного такси поспорить на эту тему с сослуживцем и в 10.05 выиграл у него бутылку коньяка...

А в это время...

Именно десятого ноября в Томске должны были начаться дни «Комсомольской правды», для участия в которых туда вылетала делегация газеты в составе десяти человек во главе с заместителем главного редактора Жорой Пряхиным. Ни свет, ни заря вся команда собралась в аэровокзал, куда на редакционной «Волге» подкатил и Пряхин. Он сказал, что среди ночи ему позвонил из Томска секретарь обкома и сообщил, что умер Генеральный секретарь, что Егор Кузьмич уже вылетел в Москву, в связи с чем Дни отменяются. «В общем, давайте, ребята, сдавать билеты...»

Но страна-то еще не знала о постигшем ее горе. И с ребят содрали по четверти стоимости этих самых билетов, что впоследствии создало им определенные трудности с бухгалтерией. Кстати, в очереди в кассу мой приятель Левка Черненко стоял за Витей Ш., который до того три дня подряд ныл, что не хочет лететь в Томск, где вполне можно и застрять, а в субботу у его, Витиной, жены день рождения. Так вот Левка, стоя в очереди, ему и говорит: «Ну, зато теперь с днем рождения жены у тебя никаких проблем не будет». А тот к нему повернулся и говорит, да с таким надрывом: «Какой, к черту, день рождения! Придется все отменять!..» Левка оторопел от искренности Витиных переживаний и остаток очереди они простояли в молчании.

А в это время...

В Томск, как я уже говорил, должны были лететь десять человек. Но у центрального аэровокзала встретились только восемь: двое, проявив социалистическую предприимчивость, сообразили, что им вовсе не обязательно нестись через весь город из своего Орехова-Борисова, от которого непосредственно до аэропорта рукой подать, из-за сомнительного удовольствия опять же через весь город возвращаться веселой компанией. Доберемся сами, предупредили они товарищей, что и сделали.

Один из них был фотокор Жея Успенский, о котором у меня уже был случай вспомнить. Компанию же ему составил наш давний автор, из соображений секретности подписывавшийся «Ю. Марковым, инженером-испытателем». Был он действительно достаточно крупной фигурой в космическом ведомстве, но к газете прикипел всей душой и даже впоследствии женился на редакционной машинистке Ларисе.

Так вот, приехали они в аэропорт, зарегистрировались, поднялись по трапу, заняли место в салоне... Видят — что-то не то: товарищей вокруг нет, а стюардесса уже предлагает пристегнуть ремни. «Давай-ка на родную землю», — предлагает «Маркову» Успенский. А тот — человек по-

лувоенный, к дисциплине приученный: «Может, Женя, так и надо? Вот долетим до Томска, там и разберемся». Но Успенский — к стюардессе, показывает редакционное удостоверение, верните, кричит, на землю! Та ему — идите к командиру корабля. Женя — в кабину. А там полным ходом подготовка к взлету, командир уже в наушниках, какие-то команды дает...

Успенский объясняет: так, мол, и так, подозреваю, что произошли события, требующие, чтобы мы еще не начавшееся путешествие прервали. Да какие-такие события! — пренебрежительно машет рукой пилот. Подозреваю, что мы лишились кого-то из крупных руководителей, — предполагает Успенский. А тут командиру что-то по радио говорят. И командир Женье головой закивал — прав, мол, ты, парень. «Кто?!» — только и спросил Успенский, а командир ему значительно указательный палец в небо. И командует в микрофон: «Трап!..»

В результате ни Успенского, ни «Маркова» Аэрофлот по случаю всеобщего горя штрафовать не стал, и те никаких трудностей с бухгалтерией не испытали...

А в это время...

В редакции полная неразбериха с номером. ТАСС молчит, никаких указаний не дает — как освещать событие, никто не знает. А стрелки бегут, газету делать надо. Я попытался сострить: наверное, будем давать по прецеденту. Но и без меня, такого умного, в секретариате уже изучали номер за 5 марта 1953-го. И ведь как в воду смотрели: когда ТАСС указания все-таки передал, оказалось, что, и правда, макет номера был со сталинским выдержан один к одному, вплоть до последней линейки, которые должно было поставить в этот день во всех газетах Союза. Как у нас и положено, от Москвы до самых до окраин всенародное горе отливало в одни и те же незыблемые, как система, формы.

Но тут (часам, кажется, к семи вечера) пришла беда, откуда не ждали. На товарища Сталина-то некролог был на всю газетную страницу, так и сейчас рассчитывали. Но товарищ Брежнев Леонид Ильич, как выяснилось, на всю страницу все-таки не потянул, текста прислали лишь на пять из восьми колонок.

А ЧТО, скажите на милость, можно разместить рядом с ТАКИМ материалом?..

Правильно! Угадали! Бегут по коридору, кричат: «Не уходи!.. Сейчас твой материал в номер ставят!..»

Это уже третий месяц лежала моя статья о славных ребятах из Горьковского политехнического института, создавших в муках некое внедренческое бюро и пытающихся изо всех сил принести пользу городу и стране. Им, конечно, мешают, но, что для нас необычно, как-то спутая рукава мешают, по мелочи пользу приносят все-таки позволяя. Вот об этом я и написал. И несчастная моя статья, словно рок над ней тяготел, все перелетала и перелетала из номера в номер. Пока, значит, не нашла своего места...

Ну, конечно, передо мной сразу поставили задачу: заголовок должен быть не оптимистический, но и не пессимистический. Без слов, в какой-то форме обозначающих движение. Без многоточия, без вопросительного знака и без знака, разумеется, восклицательного. Упаси Боже, в рифму... Одним словом, черного-белого не покупайте, да-нет не говорите... Всей дежурной бригадой два часа мучились, пока не нашли подходящее: «Слагаемые творчества». И я вздохнул с облегчением, хотя, само собой, прекрасно понимал, что текст с таким названием прочитать нельзя даже рядом с некрологом...

Тем не менее я в полном смысле слова оказался впечатанным в историю. Причем за поисками удобоприемлемого заголовка все началось как-то позабыло прочитать сам материал, расположившийся бок о бок со словом о человеке, значение которого в этой истории было поистине уникально. А начинался материал так:

«— Наша система,— сказал, как продиктовал (следовало имя руководителя студенческого коллектива),— не потянет решения серьезных проблем. Так, дыры залатать...

— Ну, почему же,— не согласился я.— По-моему, то, чем вы занимаетесь, это как раз и есть серьезные сегодняшние проблемы...

— Для тебя это сегодняшние проблемы, а для меня — вчерашние дыры...»

По тем временам высказывание едва ли не революционное — вообще, к слову СИСТЕМА тогда не допускалось никаких двусмысленных определений (в «Известиях», где я сейчас работаю, любят рассказывать, как Анатолий Аграновский закончил одну свою статью фразой: «Виновата система»,— а мудрый редактор, несмотря на все опасения Анатолия Абрамовича, вычеркивать ее не стал. А лишь добавил: «...материально-технического снабжения»...)

Одним словом, по поводу моей публикации наши доморощенные остряки стали кричать по коридору: «Он наживается на народном горе!..»

Секретарь партбюро объявила, что желающие проститься с ТЕЛОМ могут записаться. Дело ответственное. Пошли слухи, что уклонившиеся будут взяты если не в узилище, то, как минимум, на заметку. Очередь в результе выстроилась уже у нас в коридоре. Я гордо сказал, что только в гробу я «его» и не видел. На меня стали смотреть, как на самоубийцу. Но через два дня оказалось, что лимит на контору выделен мизерный, и секретарь партбюро побежала по кабинетам извиняться перед теми, кто не сподобился. Преимущество же получили ветераны и коммунисты с максимальным стажем...

А в это время...

Мой друг, рижский гроссмейстер по шашкам Владимир Вигман, собирался на чемпионат мира в Бразилию. Это отдельная история о том, как бразильцы не давали Вигману вместе с остальными советскими шашкистами виз, опасаясь, что именно они сорвут у них президентские вы-

боры. В результате чемпионат приходилось откладывать, пока международная федерация не найдет приемлемого компромисса, — чтобы то есть и выборы президента не сорвать, и чемпионат провести (а какой без Вигмана чемпионат?). Визы время от времени бразильцы обещали, Вова выезжал из Риги с чемоданом, полным двумя бутылками водки «Кристалл» и банкой югославской ветчины, выпивал с друзьями водку и, не получив визы, отправлялся восвояси, причем дефицитную ветчину вывозил обратно в Латвию. И так раза три. И именно в тот день, когда вроде бы с Бразилией о визе договорились, в визе Вигману отказала Москва: по случаю смерти Л. И. Брежнева въезд в столицу категорически запретили — в том числе и по такому, казалось бы, уважительному поводу...

Так мой друг и не выиграл (к сожалению, — в очередной раз) чемпионат мира. Зато банка ветчины осталась спасенной. А меня начали печатать в каждом траурном номере — и рядом с некрологом товарища Пельше, и рядом с некрологом товарища Устинова... По случаю смерти последнего я написал подпись к снимку на первой полосе предновогоднего номера цветного еженедельника «Собеседник», где Дед Мороз в полной форме готовится сигануть в прорубь рядом с голеньким мальчонкой с цифрами «1985» на плавках. «Год прожить — не прорубь переплыть», — глубокомысленно заметил я.

Оставалось лишь три месяца застоя.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

История с демографией	3
Может ли человек победить продавца Пирцхалаву?	8
Размышления об образовании	11
«Тарту дорог как город утрат»	11
Репетиция в театре абсурда	14
Благодетельность цензуры, или Какие же тайны берег Главлит?	19
Испанская сюита	25
Памятник, а — рукотворный!..	30
Беседа прошла в теплой и дружественной...	32
Если гуру не идет к Магомету	36
Игры на свежем воздухе застоя	39
Смерть Ильича, или Конец великой эпохи	43

ГУТИОНТОВ Павел Семенович

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ ЗАСТОЯ

Редактор А. Э. Головков

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 22.09.90. Подписано к печати 25.10.90.
Формат 70 × 108¹/₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,22. Тираж
150000 экз. Зак. № 2837. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.